

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНИЕ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 13.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльных №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

22 Марта 1880 года.

На родинѣ.

Стихъ В. Раевского.

Вотъ и степь, и знакомы лица,
И врачующій душу просторъ.
Какъ все манитъ вдали отъ столицы
Утомленный, безжизненный взоръ.
Только взглянешь кругомъ, по неволѣ
Увлекаетъ туманная даль,—
Широко ты, зеленое поле,
Какъ моя роковая печаль.
И казалось бы, нѣтъ и предѣла
Безконечному морю травы,
Знай, ходи себѣ по степи смѣло,
Здѣсь не то, что надъ устьемъ Невы.
Примѣнай свои юныя силы,
Духота здѣсь тебѣ не вредитъ,—
Примѣнай—и роскошной могилой
Степь за это тебя наградитъ.

Берегись гроба!

Разсказъ начальника станціи.
(Съ англійскаго.)

за другимъ почти безъ перерыва. Безпокойство мое съ минуты на минуту усиливалося. Дѣло въ томъ, что на моей линіи было два моста не совсѣмъ въ исправности, а кромѣ того я ожидалъ съ этимъ поѣздомъ сумму денегъ въ 14 тысячъ долларовъ для передачи сосѣднему землевладѣльцу г-ну Ельдриджу. Мало-ли что могло случиться въ такую погоду. Наконецъ, къ семи часамъ вечера показались красные огоньки приближавшагося поѣзда; стало быть, все обстояло благополучно и можно было вздохнуть свободно. Но напряженные съ утра нервы не хотѣли успокоиваться и мрачныя мысли продолжали волновать воображеніе. Я жилъ на станціи совершенно одинъ и перспектива провести цѣлую ночь съ большой суммой денегъ не представляла ничего успокоительнаго.

Изъ опоздавашаго поѣзда вышли двое или, лучше сказать, одинъ пассажиръ: второго вынесли въ гробу изъ товарнаго вагона.

— Кто это? спросилъ я, когда багажъ внесли на станцію.

— Это тѣло моей родственницы, отвѣчалъ весьма приличный джентльменъ, вошедшій въ залу за гробомъ.—Вы, вѣроятно, знаете г-на Ельдриджа? Это его племянница, я везу ее хоронить въ ихъ фамильный склепъ.

— Въ такомъ случаѣ гробъ долженъ оставаться здѣсь до утра? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ отрывисто.

А затѣмъ спросилъ, успѣетъ ли онъ доѣхать сегодня вечеромъ до имѣнія г-на Ельдриджа?

— Въ такую погоду это будетъ довольно трудно, отвѣчалъ я,—совѣтую вамъ лучше переночевать въ гостинницѣ.

Гостинница, про которую я говорилъ ему, стояла отъ станціи минутъ на десять ходьбы. Объяснивъ незнакомцу какъ найти ее, я подошелъ къ кондуктору, который вручилъ мнѣ пакетъ съ ожидаемыми деньгами.

— Берегись, Вильямъ, сказалъ онъ мнѣ при этомъ,—изъ за такой крупной суммы стоитъ потрудиться; а всадить пулю въ голову не долго, даже и такому молодцу, какъ ты.

Я отвѣчалъ ему какой-то шуткой, но, признаться сказать, мнѣ было въ эту минуту не до смѣха.

Кондукторъ подавъ сигналъ, раздался пронзительный свистокъ и поѣздъ снова пустился въ путь.

Я смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся краснымъ огонькамъ до тѣхъ поръ, пока они не исчезли въ ночной темнотѣ и тогда тяжелое ощущеніе одиночества и какой-то безотчетный страхъ съ новой силой стиснули мнѣ сердце.

Комната, въ которой я жилъ, находилась рядомъ съ залой, назначенной для багажа; проходя черезъ эту залу, я невольно покосился на гробъ, стоявшій въ одномъ изъ ея угловъ, и поспѣшилъ войти къ себѣ. Здѣсь я принялся устраиваться по возможности уютнѣе и пріятнѣе на ночь: растопилъ каминъ, набилъ трубку, поставилъ грѣть воду для гроба, а затѣмъ усѣлся съ газетой въ рукахъ въ покойное, глубокое кресло. Отъ бури, не перестававшей шумѣть и гудѣть на дворѣ, въ моей теплой комнатѣ казалось еще уютнѣе и веселѣе, а между тѣмъ мнѣ никакъ не удавалось вполнѣ успокоиться. Трубка не раскуривалась, гробъ вышелъ не по вкусу, въ газетахъ не находилось ничего интереснаго.

Чтобъ развлечься, я подошелъ къ телефону. Аппаратъ передавалъ что-то, но въ ту самую минуту, когда я началъ къ нему прислушиваться, сильный ударъ грома заглушилъ всѣ остальные звуки и нѣсколько мгновений, кромѣ зловѣщихъ раскатовъ грозы, ничего не было слышно. Потомъ все стихло и я явственно разслышалъ слова:

— Берегись гроба!

У меня кровь застыла въ жилахъ отъ ужаса.

— Берегись гроба! снова повторилъ мой таинственный доброжелатель, а затѣмъ голосъ смолкъ.

Я терялся въ догадкахъ. Кто это говорилъ со мной? Что все это значило? Одно только было ясно, это то, что мнѣ предстояла какая-то опасность, противъ которой слѣдовало принять мѣры предосторожности.

Я вынулъ машинально изъ ящика револьверъ и зарядилъ его. Оружіе это было старое, заржавленное и большихъ услугъ оказать мнѣ не могло,

но все-же лучше, чѣмъ ничего, думалъ я. Потомъ осмотрѣлъ замки у дверей, ставни у оконъ и широко растворилъ дверь, ведущую изъ моей комнаты въ багажную залу, чтобъ имѣть возможность, не вставая съ мѣста, слѣдить за гробомъ.

Затѣмъ я снова сѣлъ къ аппарату и началъ спрашивать одну станцію за другой: не телеграфировалъ-ли мнѣ кто-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали мнѣ отовсюду.

Тогда я подумалъ, что, вѣроятно, ослышался и что слышанный мною возгласъ было ничто иное, какъ дѣйствіе разстроеннаго воображенія. Но едва успѣлъ я придти къ этому заключенію, какъ голосъ изъ телефона снова прокричалъ мнѣ три раза сряду тѣже слова: «берегись гроба!»

О снѣ нечего было и думать. Я рѣшился всю ночь бодрствовать и стеречь таинственнаго врага. Сбросивъ съ ногъ тяжелыя сапоги, я прилегъ, не раздѣваясь, на кровать, стоявшую какъ разъ противъ двери, и началъ пристально смотрѣть на гробъ.

Буря успокоилась; сдѣлалось такъ тихо, что до моего слуха явственно достигало мѣрное и однообразное тиканье стѣнныхъ часовъ. Пробыло одиннадцать. Пробыло двѣнадцать. Все было спокойно. Въ багажной залѣ горѣла лампа и я не спускалъ глазъ съ гроба. Это длилось довольно долго и меня уже начало клонить ко сну, когда вдругъ снова голосъ изъ аппарата, все съ тѣмъ-же предостереженіемъ, заставилъ меня очнуться и съ усиленнымъ вниманіемъ смотрѣть и прислушиваться.

Мало-по-малу мнѣ стало казаться, что въ гробу происходитъ что-то неладное, слышался шорохъ, точно отъ винта, который медленно и осторожно отвинчивали.

Я весь превратился въ слухъ. Сердце мое сильно билось. Шорохъ по временамъ то стихалъ, то усиливался. Наконецъ, я поднялся съ постели, взялъ пистолетъ, тихо-тихо направился къ гробу и остановился около него.

Здѣсь шорохъ отвинчиваемаго винта слышался еще явственнѣе и вскорѣ крышка начала медленно приподниматься...

Признаюсь, мнѣ сдѣлалось такъ жутко, что я совершенно растерялся, но, къ счастью, замѣшательство мое длилось одно только мгновеніе, рѣшительность и присутствіе духа тотчасъ вернулись ко мнѣ и, бросившись на гробъ, я изо всей силы захлопнулъ подымавшуюся крышку.

Послышался крикъ. Кто-то застоналъ отъ боли.

— Ладно, думаю, нищѣ, сколько душъ угодно, голубчикъ, а ужъ я тебя не выпущу!

И, навалившись всѣмъ тѣломъ на гробъ, я началъ искать глазами, чѣмъ-бы мнѣ укрѣпить плотнѣе крышку. Подо мной мнимый мертвецъ не переставалъ биться и силился, что было мочи, приподнять крышку, но я, для большей безопасности, сѣлъ на нее верхомъ и всѣ усилія моего плѣнника оставались тщетны.

Невдалекѣ валялась на полу веревка; я притянул ее къ себѣ, захлестнулъ раза два вокругъ гроба и завязалъ крѣпкимъ узломъ. Потомъ отыскалъ молотокъ, гвозди и началъ заколачивать его со всѣхъ сторонъ очень усердно и не жалѣя гвоздей.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я поспѣшилъ къ аппарату и потребовалъ съ ближайшей станціи помощи. Мнѣ казалось, что эпизодъ съ мнимымъ покойникомъ только начало исторіи, и, дѣйствительно, едва успѣлъ я потушить лампу и получить отвѣтную депешу о выѣздѣ поѣзда, посланнаго мнѣ на помощь, какъ въ сѣняхъ раздались осторожные шаги и кто-то, остановившись у запертой входной двери, тихонько постучалъ въ нее.

Я молчалъ и не трогался съ мѣста.

— Михель! позволь голосъ.

А тамъ снова легкій стукъ и снова довольно продолжительная пауза.

Я продолжалъ молчать. Вдругъ въ дверь ударили съ такой страшной силой, что одна изъ петель сорвалась и въ отверстіе просунулась рука.

Рука эта искала ощупью замокъ. Я схватилъ ее и между нами завязалась борьба.

Противникъ мой выбивался изъ силъ, чтобы освободиться, но я не выпускалъ его. Минутъ десять времени провели мы въ такомъ положеніи, пока, наконецъ, громкое проклятіе, вырвавшееся у злодѣя, не возвѣстило мнѣ о приближеніи ожидаемой помощи. Онъ сдѣлалъ отчаянную попытку, чтобы вырвать руку изъ моихъ желѣзныхъ когтей, но если страхъ придалъ ему силы, то и во мнѣ надежда на спасеніе возбудила новую энергію. Я его не выпустилъ.

Раздались торопливые шаги.

— Отвори, это мы! послышался голосъ моего товарища, начальника ближайшей станціи.

Я выпустилъ руку разбойника и отперъ дверь. Мой противникъ лежалъ уже связанный на землѣ, а избавители мои послѣдовали за мной на станцію, радуясь тому, что поспѣли во время.

— Выгодное ты обдѣлалъ дѣльце, говорили они. — Правительство обѣщало 500 долларовъ за поимку этого вора.

— Но у меня здѣсь лежитъ еще одинъ плѣнникъ, объявилъ я имъ.

— Гдѣ? Гдѣ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

Я показалъ имъ на гробъ и рассказалъ все, какъ было. Рѣшено было открыть гробъ и познакомиться поближе съ мнимымъ покойникомъ. Но я заколотилъ его такъ усердно, что пришлось довольно-таки долго повозиться надъ нимъ.

— Еслибъ всѣ гробы были такъ хорошо заколочены, замѣтилъ мой пріятель, — даже въ день страшнаго суда ни одна душа не могла-бы вырваться изъ нихъ.

Наконецъ, мы подняли крышку и овладѣли лежащимъ въ немъ разбойникомъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ навести на насъ пистолетъ, которымъ онъ былъ вооруженъ.

Человѣкъ этотъ оказался однимъ изъ опаснѣйшихъ разбойниковъ въ Мичиганѣ и за поимку его правительство выдало мнѣ тысячу долларовъ, да за товарища его 500. Г. Ельбриджъ тоже сдѣлалъ мнѣ хорошій подарокъ, когда я передалъ ему тѣ 14 тысячъ долларовъ, изъ-за которыхъ я натерѣлся столько страху, а кромѣ того имя мое получило громкую извѣстность въ околѣтѣ и я сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ знаменитость. Но, не взирая на все это, я признаюсь откровенно, не желалъ-бы пережить второй разъ такую ночь, тѣмъ болѣе, что на телефонъ нельзя всегда рассчитывать, врядъ-ли будетъ онъ каждый разъ и самъ отъ себя предупреждать меня отъ опасности. Такія чудеса два раза въ жизни не повторяются.

Призывъ.

Стих. В. Львова.

Приди ко мнѣ, когда златая
На небѣ звѣздочка взойдетъ,
Покроетъ землю тьма ночная
И надъ рѣкой туманъ падетъ.

Когда заснетъ въ истомѣ сладкой
Миръ, полный дрязгъ и мелочей,
Когда зефиръ шумитъ украдкой,
И, чуть журча, бѣжитъ ручей...

Когда природа отдыхаетъ,
И чудной нѣги ночь полна,
О берегъ плещетъ и играетъ
Съ волной красавица волна...

Когда русалки надъ рѣкою
Рѣзвятся стройною толпой —
Я жду тебя въ тотъ часъ покоя:
Приди бесѣдовать со мной!

Мы уголокъ найдемъ укромный
И тамъ въ саду, въ тиши ночной,
Насъ не увидитъ взоръ нескромный,
Мы унесемся въ миръ иной!..

И соловей съ кустовъ сирени
Намъ про любовь тайкомъ споетъ...
Такъ средь восторговъ, упоеній,
Какъ чудный сонъ, та ночь пройдетъ.

Но лишь багряный лучъ денницы
Въ лазури неба заблеститъ
И съ пѣвнемъ встрепенутся птицы, —
Тогда разлука намъ грозитъ!

Толпы законамъ уступая,
Ты маску свѣтскую надѣвъ,
И будемъ ждать мы, прозябая,
Пока пройдетъ несносный день;

Тогда подъ кровомъ звѣздной ночи
Съ тобой сойдемся мы опять!..
Тебѣ глядѣть я буду въ очи,
Въ бесѣдахъ время коротать!..

Новости русской литературы.

(Окончаніе.)

Мы уже сказали, что нашъ художникъ требуетъ отъ всякаго истинно-художественнаго произведенія идеи. Теперь считаемъ нужнымъ опредѣлить точнѣе сказанное нами: не всякую идею нашъ художникъ считалъ достойною воплотить въ художественномъ образѣ. Онъ прекрасно сознавалъ, что онъ обязанъ служить не отжившимъ идеаламъ, а нарождающимся, не увѣковѣчивать старыя представленія а дѣлать доступными и понятными идеи новаго времени и духъ новой цивилизаціи, какъ онъ отражается въ умахъ передовыхъ современниковъ. Нашъ художникъ работалъ надъ сюжетомъ библейскимъ и здѣсь хотѣлъ быть современнымъ: онъ очень хорошо сознавалъ, что пониманіе библейскихъ идеаловъ и усвоеніе религиозныхъ идей, какъ и все другое, обуславливается временемъ, теченіемъ цивилизаціи и свойствами народности. Пониманіе IV в. не таково, какъ — XIV; въ XIX в. нельзя удовлетвориться религиозными идеалами XVI. Что понятно и назидательно для религіознаго протестанта, чуждо правовѣрному католику; икона итальянскаго письма для православнаго русскаго, привыкшаго къ византійскимъ образцамъ, не будетъ иконою. Въ то время, какъ работалъ Ивановъ надъ своею картиною, въ Европѣ производило громадное впечатлѣніе сочиненіе по первоначальной исторіи христіанства Д-ра Давида Штрауса — его знаменитое «Leben Jesu». Это сочиненіе дѣлается настольною кни-

гоу нашего художника, онъ его изучаетъ и выучивается, его идеями руководится и нѣкоторые взгляды желаетъ воплотить въ своемъ произведеніи. Ивановъ даже ѣздилъ къ многоученому доктору говорить о книгѣ и своей картинѣ, которой въ нѣкоторыхъ пунктахъ книга давала тѣму, даже думалъ пригласить въ Римъ многоученаго доктора посмотреть картину и дать свое мнѣніе о ней. Ивановъ интересовался названною книгою не случайно, не потому только, что она ему пришлась по вкусу, а именно потому, что видѣлъ въ ней духъ новаго времени, отраженіе современной цивилизаціи и современнаго пониманія. На вопросъ одного собесѣдника, почему онъ интересуется сочиненіемъ Штрауса, Ивановъ прямо отвѣтилъ: «Я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свой сюжетъ искусство. Художникъ долженъ стоять въ урovenъ съ понятіями своего времени».

Нашъ художникъ зналъ вѣкъ, въ который онъ работаетъ, а кромѣ того не забывалъ и народъ, для котораго онъ работаетъ; при своемъ творчествѣ онъ имѣлъ въ виду идеи XIX в., а кромѣ того свойства и потребности русскаго народа. У него подъ руками множество образцовъ, а онъ все ищетъ древнѣйшій типъ Христа. Нашему художнику надобно писать «Воскресеніе Христа» и онъ пишетъ въ Москву, чтобы ему нашли въ Москвѣ иконные образа Воскресенія и прислали ему съ нихъ, «въ какихъ-бы уродливыхъ формахъ ни были», копіи, «дабы имѣть понятіе, какъ намъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя выходили изъ самой церкви, безъ претензій на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ закружилъ». Для чего ему нуженъ старый уродливый образъ неизвѣстнаго богомаза? Думаемъ для того, чтобы писать понятно и назидательно для православной Москвы. Нашъ художникъ стремится въ Грецію и юго-славянскія страны, ему хочется побывать на родинѣ Св. Кирила и Меѳодія. Что ему нужно смотреть въ этихъ бѣдныхъ странахъ? Зачѣмъ ему оставлять Ватиканъ, гдѣ собраны чудеса искусства и произведенія безсмертныхъ творцовъ и ѣхать въ ветхій какой-нибудь храмъ, расписанный тощими византійскими фигурами? Кто можетъ отрицать народъ съ его исторіею, взглядомъ и преданіями, для того это ненадобно. Но кто сознаетъ, что для просвѣщенія народа необходимо ознакомиться съ нимъ, чтобы найти точку, съ которой возможно показать народу идеальное и совершенное, тотъ признаетъ въ этомъ существенную нужду. Ивановъ работалъ для русскаго православнаго народа, воспитаннаго греческими и юго-славянскими образцами и учителями; поэтому онъ считалъ необходимымъ изученіе греко-славянскаго искусства. Онъ не былъ почитателемъ византійской живописи и не думалъ объ ея возобновленіи, но совсѣмъ игнорировать ее считалъ неблагоразумнымъ.

Талантъ Иванова, его всестороннее художественное образованіе, образцовая метода, непреклонное трудолюбіе и честная до самоотверженности преданность своему искусству — все это даетъ ему полное право занять видное мѣсто въ ряду лучшихъ художниковъ. Но для полной оцѣнки Иванова надо принять во вниманіе не только то, что онъ сдѣлалъ, но и къ чему стремился, что обѣщавъ сдѣлать и на что только далъ намекъ. А онъ стремился сдѣлать многое и, если бы смерть не похитила его такъ неожиданно, можетъ быть, былъ бы реформаторомъ въ искусствѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ развивался, какъ росъ его талантъ, въ немъ созрѣвало убѣжденіе, что въ искусствѣ должна произойти значительная реформа. Онъ не удовлетворялся современнымъ искусствомъ и началъ настойчиво искать для него по-

вое содержаніе. Искусство въ древнее время было великою образовательною силою, необходимымъ элементомъ общественной жизни именно въслѣдствіе того, что оно отражало идеи и духъ своего времени, служило существеннымъ интересамъ эпохи. А если въ наше время искусство не имѣетъ значенія въ жизни, то это происходитъ отъ того, «что оно позабыло развиваться соответственно процессу развитія общественныхъ идей». Съ конца 40-хъ годовъ Ивановъ сталъ чувствовать, что совершается что-то новое, что съ особенною силою нарастаютъ какія то новыя стремленія. Это нѣчто новое совершалось не въ тихой области искусства, а въ политикѣ и жизни общественной. Ивановъ политикой не занимался и могъ бы, кажется, спокойно въ мастерской работать надъ своими картинами. Нѣтъ, нашъ художникъ отзывчивъ: ему кажется, что эти новыя идеи и стремленія должны отразиться и на его искусствѣ. Для разъясненія своихъ сомнѣній и недоумѣній онъ желаетъ обратиться—странно!—не къ художникамъ, а къ передовымъ политическимъ дѣятелямъ: къ Мадзини и Герцену, какъ прежде обращался къ многоученому доктору. Онъ обращается въ Лондонъ къ Герцену съ такимъ письмомъ: «Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу почерпнуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами, надѣюсь, что вы не откажете въ этомъ, и рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3-го до 10-го сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ... Свиданіе состоялось. Собесѣдники говорили, понятно, не о картинахъ и техникахъ, а объ идеяхъ и стремленіяхъ новаго времени. Ивановъ изобразилъ свое печальное состояніе въслѣдствіе перелома и потери старыхъ убѣжденій и просилъ разъясненій и руководства. «Я, говорилъ онъ своему собесѣднику,—мучусь о томъ, что не могу больше формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться считаю я преступленіемъ, прибавилъ онъ съ жаромъ. Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно; я не надивлюсь на французовъ и итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они на перехватѣ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу—нѣтъ, никогда, никогда!»

Конечно, лондонскій собесѣдникъ не показалъ Иванову выхода, да и не могъ. Это приобритается самимъ человѣкомъ, совершается годами; долгій и болѣзненный процессъ! Даже и въ Петербургѣ одному своему собесѣднику Ивановъ говорилъ, что онъ не примется за картину, пока не уяснитъ себѣ новаго направленія и что ему придется года три работать надъ своими мыслями. На просьбу этого собесѣдника Ивановъ въ общихъ чертахъ высказалъ свои мысли о новомъ направленіи въ искусствѣ. «Съ технической стороны оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которыми служили Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до высочайшей степени совершенства. Тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византийскомъ стилѣ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны, и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить рафаэлевскую технику съ идеями по-

вой цивилизаціи,—вотъ задача искусства въ настоящее время. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете-ли, боюсь (прибавилъ Ивановъ, съ своею наивною вѣрою въ проницательность своихъ суждѣній), какъ бы не подвергнуться гоненію,—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрассудковъ и преданій,—это замѣтятъ, скажутъ, что оно стремится преобразовать жизнь, и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно дѣйствительно такъ».

По нравственнымъ качествамъ: удивительному трудолюбію, искренней преданности своему искусству, аскетической воздержности отъ всякихъ приманокъ дешевой славы и легкой наживы—Ивановъ вполне годился въ реформаторы. Смерть, къ сожалѣнію, очень рано лишила юное русское искусство этого мощнаго руководителя. Тѣмъ не менѣе русское искусство должно быть вѣчно благодарно и за то, что онъ сдѣлалъ, и за то, что высказалъ смѣлую и плодотворную идею: Иванову не удалось, какъ онъ желалъ этого, лично руководить нашихъ молодыхъ художниковъ и воспитывать ихъ въ новыхъ идеяхъ. Но тѣмъ не менѣе и теперь онъ долженъ быть для нихъ образцомъ, достойнымъ изученія, и примѣромъ для подражанія. Изданную книгу поэтосу нельзя не признать важнымъ руководствомъ для нашихъ художниковъ; она, по справедливому выраженію одного нашего извѣстнаго художника, стоитъ хорошей картины и даже нѣсколькихъ хорошихъ картинъ.

Смерть.

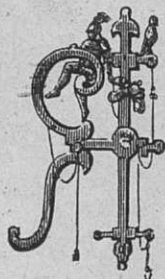
Стих. Б. Левина.

Идетъ къ концу тревожной жизни день
И вечера густѣющія тѣни
Зовутъ меня подъ сладостную сѣнь,
Зовутъ ко сну отъ мелкихъ тревоженій.
Ночь, смерти ночь все близится ко мнѣ...
Когда бъ я могъ, о, юность дорогая,
Изъ устъ твоихъ услышать въ тишинѣ
О счастья пѣснь, съ улыбкой засыпая!

На краю пропасти.

Повѣсть Л. Герберъ. Переводъ М. Л.—ой.

I.

увидалъ Клотильду въ первый разъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но иногда мнѣ думается и грезится, будто это случилось на дняхъ, такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на меня ею. Увидалъ я ее у ея дяди и опекуна, богатаго комерсанта, который жилъ около самаго Берлипа на дачѣ; прекрасныя залы его въ тотъ вечеръ сіяли огнями: почтенный старикъ давалъ балъ. Я наблюдалъ изъ углубленія ниши блестящую, оживленную, весело болтающую толпу, спующую то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; вскорѣ однако взоръ мой остановился, какъ очарованный, на прелестной дѣвушкѣ съ благородной осанкой; она, будто царица между своими подругами, приближалась въ мою сторону. Глубокій взглядъ ея темныхъ глазъ, полныхъ ума и кротости, правильныя черты нѣжнаго, овальнаго лица и чудное соединеніе красокъ совершенно околдовали меня.

Замѣчательна была грація ея движеній, скромность и при томъ величавость ея почти горделивой осанки. Къ ней подошелъ молодой человекъ, котораго мнѣ только что передъ тѣмъ

представили подъ именемъ Рудольфа фонъ-Браунка. Онъ былъ такъ-же красивъ, какъ и изященъ; взглядъ на него вызвалъ легкій румянецъ на ея щекахъ; тогда я еще не зналъ, почему. Онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ, она въ отвѣтъ такъ очаровательно улыбнулась ему, что я умилился душой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подавъ ей руку и повелъ ее къ открытому роялю, сѣлъ за него и началъ мощной и искусной рукой аккомпаниментъ новаго въ то время романса, который чрезвычайно мнѣ понравился, можетъ быть, потому, что его пѣла эта прелестная молодая дѣвушка; голосъ ея, мягкій и полный, бралъ за сердце и немного дрожалъ отъ неизвѣстнаго мнѣ волненія. Но какъ-же я былъ изумленъ, увидавъ, что Браункъ, когда замеръ послѣдній звукъ, вдругъ опустился къ ногамъ пѣвицы. Онъ притянулъ обѣ ея руки къ своимъ губамъ, порывисто всталъ и страстно прижалъ къ своей груди краснѣющую и сопротивляющуюся дѣвушку.

— Зачѣмъ, Клотильда, намъ ждать, пока наполнятся бокалы? сказалъ онъ своимъ пріятнымъ голосомъ, въ которомъ звучала твердая рѣшимость. — Почему не признаться обществу въ томъ, что болѣе не останется тайной, теперь-же, когда всѣ въ восторгѣ отъ твоего пѣнія?.. Господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ гостямъ,—вы видите передъ собой невѣсту и жениха и мы сердечно просимъ васъ, пожелайте намъ счастья.

Послѣ короткаго молчанія послѣдовалъ взрывъ одобренія. Всѣ тѣснились къ нимъ; радостное выраженіе и растроганное, — все слилось въ едино, и самъ я, ослѣпленный музыкой и пѣніемъ, чувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ счастьемъ этихъ почти незнакомыхъ мнѣ людей. «Вамъ можно позавидовать, подумалъ я про себя.—Не завидуетъ-ли вамъ кто-нибудь больше, чѣмъ слѣдуетъ? Отчего блѣднолицый Леонгардтъ, сынъ хозяина дома, холодный и чопорный молодой человекъ, который мнѣ не нравился, такъ сдержанно подаетъ руку своей сіяющей кузинѣ и тонкія сжатія губы его съ такимъ усиленіемъ раскрываются, чтобы произнести официальную поздравительную фразу? Уже не любитъ-ли онъ ее?» Взоръ мой снова обратился къ невѣстѣ; слезы счастья дрожали на ея рѣсницахъ. «Останешься-ли ты всегда такой счастливой и прекрасной, какою ты смотришь теперь? шепталъ во мнѣ внутренний голосъ опыта.—Человекъ, который съ такимъ восторгомъ сегодня называлъ тебя своей невѣстой, всегда-ли будетъ носить тебя на рукахъ?» Почему это пришло мнѣ въ голову именно въ эту минуту,—я не знаю. Но припомнить это сомнѣніе мнѣ пришлось много лѣтъ спустя, когда я вновь увидалъ Клотильду фонъ-Браунка... Что это? предчувствіе-ли, освѣщающее сумерки нашего духовнаго міра, или неясное вліяніе одного индивидуума на другой, одного взгляда на другой взоръ, которое безъ помощи насъ самихъ и безъ нашего сознанія перерабатывается въ мышленіе?

II.

Пять лѣтъ, прожитыхъ въ счастливомъ супружествѣ, проходятъ, какъ чудный сонъ, и Клотильда была счастлива. Выгодное общественное положеніе ея мужа, котораго пѣнили и любилъ во всѣхъ кружкахъ, какъ даровитаго юриста и любезнаго собесѣдника, дарило ей, при врожденной прелести ея собственной особы, еще и вишнюю жизнь, полную удовольствій. У домашняго-же очага, уютнаго и привольнаго царствовали миръ и любовь. Кротость Клотильды и благородная женственность ея характера умѣряли порывы нѣсколько необдуманнаго и пылкаго нрава ея мужа. Ребенокъ-дѣвочка съ темными глазами матери и свѣтлыми кудрями отца довершала счастье ея жизни. Изрѣдка лишь налетало на

Спасение.
Ръзано на деревъ по фотографии Гупиля; въ Парижѣ.

нее чувство какой-то неопредѣленной заботы и давило ее. На Рудольфа нашло что-то неустойчивое и тревожное. Она не привыкла пугаться призраковъ, но теперь иногда ловила себя на боязни чего-то неизвѣстнаго, чего — она сама не понимала.

Однажды, въ холодный и бурный апрѣльскій день, въ сумерки, сидѣла Клоти́льда въ своей прелестной комнатѣ передъ каминомъ и на колы́няхъ укачивала заболѣвшаго ребенка. Съ материнской заботливостью стерегла она покойный сонъ малютки и въ то-же время напряженно прислушивалась къ шагамъ, приближающимся къ дому. Она отъ времени до времени обращала свое милое, кроткое личико къ входной двери и каждый разъ, обманутая въ ожиданіи, печально качала головкой.

— Боже мой, шептала она, — куда-же пропалъ Рудольфъ? Засѣданіе должно быть закрыто уже нѣсколько часовъ тому назадъ.

Наконецъ, колокольчикъ издалъ знакомый звукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не онъ, думала она — это не его эластическая походка; онъ всегда такъ легко и быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

Тяжелые шаги медленно приближались и, наконецъ, дверь была отворена нерѣшительной рукой.

— Рудольфъ, воскликнула она, — ты-ли это? и она такъ испугалась, увидавъ своего мужа, что ребенокъ проснулся на ея колы́няхъ.

Неужели то былъ ея красивый, смѣлый Рудольфъ, этотъ человѣкъ, который теперь входилъ къ ней? Блѣдный, съ блуждающими, почти бессмысленными глазами, шатаясь, прошелъ онъ по комнатѣ и въ изнеможеніи опустился въ уголъ дивана?

— Рудольфъ! что случилось? Ради Бога, скажи хоть слово, умоляла Клоти́льда, садясь рядомъ съ нимъ и держа стонущаго ребенка на рукахъ. Она потихоньку провела рукой по влажному лбу мужа, поправила волосы, безпорядочно спустившіеся на лобъ и робко смотрѣла въ измѣнившееся его лицо. Онъ сдѣлалъ слабое движеніе, чтобы отстранить ея ласковую заботливость и съ трудомъ разжимая губы, беззвучно произнесъ:

— Что случилось, — сказать можно скоро. Я все потерялъ, все, даже честь.

Клоти́льда поблѣднѣла.

— Даже честь? Я не понимаю. Вчера ты приготавливалъ меня къ мысли о возможности денежной потери, но какое-же отношеніе имѣть это къ твоей чести?

Онъ закрылъ лицо тонкими, красивыми руками и глубоко, глубоко вздохнулъ:

— Вчера! вчера мнѣ еще оставалась маленькая надежда, но я не рѣшался заставить тебя даже заподозрить всю бездну угрожающей опасности. Теперь все кончено. Я пропащій человѣкъ.

Не находя словъ утѣшенія, она нѣсколько минутъ растерянно смотрѣла на погруженнаго въ нѣмое отчаяніе мужа. Наконецъ, она заговорила мягкимъ голосомъ:

— Рудольфъ, я никогда не знала твоихъ... нашихъ денежныхъ дѣлъ, ты молчалъ, а у меня не хватало духа спрашивать о нихъ. Но теперь, не правда-ли, ты мнѣ все скажешь?

Онъ продолжалъ молчать и съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Повѣрь мнѣ, снова заговорила она, — я сильна и вмѣстѣ съ тобой могу перенести самое тяжелое испытаніе, но эта неизвѣстность — ужасная пытка.

Онъ не отвѣчалъ, взглянулъ на ребенка и положилъ свою руку на его кудри; дѣвочка схватила руку отца и притянула ее къ своимъ губамъ; онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія ея горячаго ротика.

— О, Боже мой, что за мученіе! прошептала онъ. — Ребенокъ болѣнъ, ты безпокоишься о немъ и въ это-то именно время мнѣ надо... но ты права, я не долженъ ничего отъ тебя скрывать. Бѣдная, любимая моя жена! Когда я, пять лѣтъ тому назадъ, ввелъ тебя въ этотъ домъ — одна только мысль и была у меня — какъ принять тебя достойнымъ образомъ. Выслушай-же меня. Вмѣсто того, чтобы строго соображаться съ нашими средствами, я поставилъ домъ и молодое хозяйство наше на ту-же ногу, какъ я къ тому привыкъ въ отцовскомъ домѣ. Но уже черезъ два года я съ испугомъ увидалъ, что не долго возможно будетъ вести подобный образъ жизни. Что мнѣ было дѣлать? Пойти къ тебѣ и сказать: «Клоти́льда, наше блестящее положеніе было не болѣе, какъ короткій сонъ: Теперь мы должны жить расчетливо и стѣсняясь во всемъ, какъ мѣщане». Этого я не могъ, не могъ, это было невозможно.

— Рудольфъ, милый, что ты говоришь? Развѣ ты не зналъ, что вмѣстѣ съ тобой я была-бы счастлива даже въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и...

— Знаю, знаю, поспѣшно прервалъ онъ ее, — ты вѣ�мъ была-бы довольна, но я рѣшительно былъ не въ силахъ лишать тебя однихъ за другими всѣхъ удовольствій и даже удобствъ. Наконецъ, и самъ я, избалованный съ дѣтства — не способенъ жить въ бѣдности. Я началъ думать о средствахъ, какъ-бы улучшить дѣла; то, что я зарабатываю моею юридической практикой — весьма незначительно.

Она смотрѣла на него и молчала.

— Случай, на который я теперь горько ропщу, съ усиленіемъ продолжалъ онъ, — познакомилъ меня съ предпріятіемъ, отъ котораго всѣ участвующие ожидали золотыхъ горъ. Я слишкомъ легко поддавался на уговоры друзей и вложилъ въ широко задуманное дѣло весь остатокъ своего состоянія. Судя по результатамъ, я года два думалъ, что этимъ совершилъ самое разумное дѣяніе своей жизни. Потомъ подошли неблагоприятныя обстоятельства; пришлось дѣлать по-вые вклады и я часто находился въ большемъ затрудненіи, но надежда на огромныя прибыли оставалась въ прежней силѣ. Теперь я сообщу тебѣ то, что узналъ на-дняхъ: меня и многихъ другихъ обманули два мошенника самымъ гнуснымъ образомъ. Полиція удалось схватить одного изъ нихъ, другой-же, переплывъ океанъ съ огромной суммой похищенныхъ денегъ, находится въ безопасности. Увѣренность въ этомъ есть результатъ сегодняшняго засѣданія, прибавилъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Пока онъ говорилъ, дѣвочка расплакалась и Клоти́льда крѣпче прижала ее къ своей груди. Одну минуту она колебалась, на котораго изъ двухъ дорогихъ для нея существъ обратиться ей свою заботливость. Затѣмъ, быстро рѣшась, отнесла дѣвочку въ спальню и передала ее старушкѣ-нянѣ. Вернувшись къ мужу, она стала около него, выпрямившись во весь ростъ и съ нѣжностію, исполненною достоинства, взяла его за руку; онъ-же все еще сидѣлъ, весь съежившись въ своемъ углу.

— Рудольфъ! какъ возможно такъ падать духомъ отъ этой неприятели? сказала она твердо. — Если-бы я потеряла тебя или нашу Катю — дѣло другое; тогда я была-бы безутѣшна. Но потеря состоянія!.. съ этимъ горемъ помириться можно, пока мы вмѣстѣ, пока здоровы и молоды.

Нетерпѣливымъ движеніемъ онъ отнял свою руку и вскопчилъ на ноги.

— Ты не знаешь, что говоришь! Ты не подозреваешь, какъ безнадежно мое положеніе. Я говорю тебѣ: я погибъ. Пуля въ лобъ для меня теперь самое лучшее.

Молодая женщина вздрогнула.

— Чтобы оставить жену и ребенка несчастными и нищими? спросила она медленно, оттирая каждое слово.

Онъ стоялъ, пораженный этой мыслью; потомъ онъ быстро повернулся къ женѣ.

— Что ты такое сказала? Да, ты права. Я не имѣю права этого сдѣлать. О, Боже! неужели нѣтъ исхода? Клоти́льда, Клоти́льда!

Она положила обѣ руки на его плечи и, превозмогая внутреннее содроганіе, смотрѣла въ его искаженное лицо взоромъ, полнымъ трогательной прелести:

— Для того только нѣтъ надежды, кто отчаивается, сказала она. — Побольше мужества, другъ мой, не робѣй! Какъ только ты немного успокоишься, мы будемъ держать разумный военный совѣтъ. Все излишнее выбросимъ за бортъ, какъ ненужный баластъ и тогда корабль нашъ сойдетъ съ мели.

— Нашъ корабль потонетъ неминуемо, возражалъ онъ глухо, — кормчимъ былъ презрѣнный чело-вѣкъ. Надо, наконецъ, мнѣ во всемъ признать-ся.. я потерялъ болѣе, нежели имѣлъ на то право; я рискнулъ суммами, вѣренными мнѣ моими клиентами, въ расчетъ, что беру ихъ только на очень короткое время для вѣрнѣйшаго моего спасенія; я такъ надѣялся — и теперь уже ни чего нельзя спасти. Завтра истекаетъ срокъ крупному векселю и о разореніи моемъ узнаютъ сегодня во всѣхъ дѣловыхъ кружкахъ. Я нищій и... подлець.

— Рудольфъ! вырвалось изъ стѣсненной груди Клоти́льды, — но я ни минуты не сомнѣваюсь, что мы найдемъ средства и пути, чтобы предотвратить худшее. Что если-бы ты открылся моему дяди? Онъ, навѣрное, поможетъ.

— Твой дядя? дитя, дитя! что пришло тебѣ на умъ! возразилъ Рудольфъ, быстро шагая взадъ и впередъ по комнатѣ. — Этой помощи тоже конецъ. Онъ разъ ужъ выручилъ меня изъ бѣды въ прошломъ году, когда спасеніе было еще возможно. Теперь опять просить, — какъ-же это возможно!

— Нѣтъ надобности, чтобы онъ помогалъ тебѣ изъ собственныхъ средствъ, другъ мой; заяви ему только о моемъ желаніи, чтобы онъ теперь-же передалъ тебѣ мои бумаги. Я черезъ годъ буду совершеннолѣтней и тогда во всякомъ случаѣ ему пришлось-бы уступить тебѣ управленіе моимъ состояніемъ. И неправда-ли, его будетъ достаточно, чтобы избавить тебя отъ бѣды?

— Клоти́льда! воскликнулъ онъ и прижалъ ее къ своему сердцу, — ты благородная, великодушная женщина, слишкомъ благородная для меня, недостойнаго! Но и это не удастся, прибавилъ онъ медленно, — твое желаніе выручить меня такимъ способомъ не произведетъ на старика желаемого дѣйствія.

— О, навѣрное, навѣрное, не сомнѣвайся! Его честное сердце подскажетъ ему, что мое состояніе — въ тоже время и твое, такъ-же, какъ твое имя — есть въ тоже время и мое имя.

— Однако, когда мы женились, онъ поставилъ намъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы между нами не было общности состояній.

— Да, но то было давно и совершенно противъ моего желанія; въ то время Леонардтъ возстановлялъ его противъ тебя. Теперь-же, когда старикъ такъ тебя полюбилъ и Леонардтъ далеко...

Рудольфъ покачалъ головой и, полный тревоги, продолжалъ ходить по комнатѣ. Жалобный дѣтскій голосъ прервалъ жуткую тишину сумерекъ.

— Рудольфъ, какъ охотно избавила-бы я тебя отъ тяжелой необходимости и сама поѣхала-бы къ дядѣ! Но ты слышишь, — бѣдная Катя зо-

веть меня и плачетъ; она больна, очень больна, а дача дяди такъ далеко отъ города: у меня не хватаетъ духа оставить ребенка на цѣлыхъ три или четыре часа.

— Оставить тебѣ ее невозможно, да и все равно изъ этого ничего не вышло-бы.

— Но все-же ты не имѣешь права не попытаться. Ты долженъ поѣхать. Коротенькая письменная просьба отъ меня приведетъ къ желаемому результату... а ты вели пока готовить экипажъ и сѣвши, сѣвши, ты знаешь, что поздно вечеромъ старикъ уже не принимаетъ.

Она позволила и пока Рудольфъ, которому она не дала времени опомниться, приказывалъ вошедшему слугѣ велѣть подать коляску, рѣшительная молодая женщина посиѣшила къ письменному столу. Черезъ нѣсколько мгновеній бѣлые тонкіе пальчики ея уже складывали записочку. Рудольфъ между тѣмъ вынималъ письма и бумаги изъ конторки и пряталъ ихъ въ карманъ, потомъ, уже готовый къ отъѣзду, снова вошелъ въ ея комнату.

— Ты только, ради Бога, не робѣй, если добрый нашъ старикъ сначала и не совѣмъ благосклонно отнесется къ нашей просьбѣ. Я его знаю. Ему нужно нѣсколько минутъ размышленія, прежде нежели онъ освоится съ какой-нибудь новой мыслию; а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, которому, съ его точки зрѣнія, (извини, что я высказываю это) онъ симпатизировать не можетъ... Говори съ нимъ откровенно, по душѣ, и не правда-ли, ты вѣдь можешь теперь дать слово, что нынѣшнее грустное положеніе твое—хорошій для тебя урокъ и навсегда отняло у тебя охоту принимать участіе въ рискованныхъ предпріятіяхъ. О дорогой мой! Мы будемъ работать и создавать и станемъ еще счастливѣе, нежели были до сихъ поръ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, собрался съ духомъ и оторвался отъ нея. Еще одинъ ободряющій взглядъ, пожатіе руки и экипажъ покотился. Теперь только явилось къ ней сознаніе ея бѣдствія. Ужасное, никогда не испытанное чувство овладѣло ею. Ей казалось, будто огромный камень навалился ей на грудь и тайный голосъ шепталъ: «Онъ уѣхалъ, ты больше его не увидишь!» Она приложила руку къ сердцу, будто сдерживая біеніе его и, какъ окаменѣлая, смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся экипажу. Когда онъ исчезъ изъ виду—она пошла къ больному дитяти.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Русскія суевѣрія.

Очерки С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

III.

Смерть, родители, птицы.

Вѣрованіе въ дѣдовъ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ несомнѣнно развилось изъ первобытнаго почитанія мертвецовъ, но народъ давно уже забылъ объ этомъ и представляетъ ихъ духами, а не душами своихъ предковъ. Представленіе о человеческой душѣ давно уже отдѣлилось отъ представленія о

духѣ, какъ высшемъ существѣ, но души покойныхъ предковъ все-таки остались отчасти въ ряду семейныхъ божествъ. Прежде чѣмъ говорить о нихъ, остановимся на томъ ужасномъ существѣ, которое съ такою неумолимою злобою губить человеческій родъ. Чтобы судить, какъ народная фантазія представляетъ себѣ Смерть, достаточно знать содержаніе легенды объ Аника-Войнѣ. Жилъ былъ Аника-Войнъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, по-

бывалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-Войнъ ѣхать въ Врусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взявъ мечъ и копье и выѣхавъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему—Смерть съ острою косою. «Что это за чудовище! говоритъ Аника-Войнъ; царь-ли ты царевичъ, король-ли королевичъ?»—«Я не царь царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть—за тобой пришла!»—«Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу, тебя раздавлю!»—«Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ, могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты пароду на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала». Разсердился Аника-Войнъ, напускаетъ на Смерть своего борзого коня, хочетъ поднять ее на конѣ булатное; но рука не двинется. Наналъ на него велій страхъ и говоритъ Аника-Войнъ: «Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «вѣтъ тебѣ сроку и на полгода».—«Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца».—«Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли».—«Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня».—«Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа». И говоритъ Аника-Войнъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоценнаго: дай сроку хоть на единый часъ—я бы роздалъ нищимъ все свое имѣніе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минутку». Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-Война: свалился онъ съ коня и упалъ мертвый. Стихъ объ Аникѣ-Войнѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо:
Голова у него человѣческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадиныя.

Кромѣ косы смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилою и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимы,
Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ—
Аника на конѣ патается
И смертныя уста запекаются.

Народъ до сихъ поръ думаетъ, что когда человѣкъ испускаетъ послѣдній вздохъ, душа выходитъ изъ него въ видѣ пара, «какъ дымецъ малъ», по выраженію древняго автора; другіе-же представляютъ ее себѣ въ видѣ маленькаго человѣчка, бабочки, птички. Для этой-то души-птички, какъ только человѣкъ умретъ, выставляютъ за окномъ чашку съ водою, чтобы душа могла покусаться и напиться. Затѣмъ начинаютъ снаряжать покойника для отдаленнаго и труднаго путешествія въ загробный міръ, находящійся на горѣ, по древнему вѣрованію, сохранившемуся у насъ даже въ памятникахъ христіанской письменности. Въ XIV в. новгородскій епископъ Василій, въ посланіи своемъ къ тверскому епископу Федору, писалъ: «слышахъ, брате, что повѣстствуете: рай погубилъ, въ немъ же былъ Адамъ; ино, брате, о той есмь погубели не слышали... А Ефросинъ св. былъ въ раю и три яблока принесъ изъ рая и далъ игумену своему, отъ нихъ-же исцѣленія много быша... А то мѣсто святого рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла, много блудивъ, а двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ, и видѣша на горѣ той написанъ дѣисусъ лазоремъ чуднымъ и вельми издивленъ паче мѣры, яко не человѣческыма рукама творенъ, но божіею благодатію, и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ

самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати. И пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша; но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуясь паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть и веселіе гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шеглѣ на гору ту видѣти свѣтъ и ликованія гласы, и бысть, яко взиде на гору ту—и абіе всплеснувъ руками, засмѣяся, побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они-же велии удивлешася и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ: что есть бывшее на горѣ. И той такоже створи, нимало вратився къ своимъ, но съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они-же страха наполнишася и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: аще-ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтлость мѣста сего—и послаша третіаго на гору, привязавъ ужищемъ за ногу его. Такоже и той створити хотѣ, всплескавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужище на нозѣ своей; они-же сдернуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтесе мертвъ». Взбираться на райскую высоту трудно и крестьяне въ разныхъ мѣстахъ до сихъ поръ думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ не бросать, а хранить за пазухой, чтобы съ помощію ихъ по смерти легче можно было взобраться на высокую гору, гладкую, какъ яйцо. По бѣлорусскому повѣрью всѣ эти обрѣзки по смерти снова очутятся на пальцахъ крѣпко сросшимися и помогутъ взобраться на желѣзную гору, на которой стоитъ рай. Для той-же цѣли встарь съ покойниками хоронили ремесленные лѣстницы, а въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр., въ воронежской и курской, для похоронъ пекутся изъ тѣста лѣстницы, чтобы душа могла взойти по нимъ на небо. Существуетъ еще другое и, кажется, болѣе древнее представленіе о загробномъ мірѣ. Народъ обыкновенно, переселяясь изъ одной страны въ другую, долго сохранялъ представленіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остались погребенными его предки. Ему казалось, что и души людей, умирающихъ на новомъ мѣстѣ жительства, должны неизбѣжно отправляться въ тѣ-же мѣста, къ своимъ давно уже покойнымъ родственникамъ (въ Китаѣ даже трупы умершихъ отсылаются для погребенія на родину). Но народъ помнилъ, что путь этотъ далекъ и труденъ, особенно трудны переправы черезъ рѣки, и вотъ у всѣхъ народовъ явилось представленіе, что душѣ умершаго приходится по дорогѣ въ загробный міръ переѣзжать черезъ рѣку. Перемѣшавшись съ христіанскими представленіями, это вѣрованіе выразилось въ духовномъ стихѣ:

Протекала тутъ рѣка огненная;
Какъ по той-тамъ рѣкѣ, рѣкѣ огненной,
Да тутъ ѣздитъ Михайло-архангелъ—царь;
Перевозитъ онъ души, души праведныя,
Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолншнему,
Къ самому Христу—царю небесному.

До сихъ поръ покойнику даютъ деньги, кладя ихъ ему въ ротъ или затыкая за поясъ завязанными въ платѣ. Это объясняютъ тѣмъ, что ему придется платить за перевозъ, хотя во многихъ мѣстностяхъ думаютъ, что эти деньги понадобятся ему на разные житейскіе расходы: на покупку себѣ мѣста, на взятки адскимъ судьямъ и т. п. Для переправы черезъ рѣку въ древности каждого покойника снабжали лодкой, которая служила ему гробомъ. Раскольники до сихъ поръ не сколачиваютъ гроба изъ досокъ, а выдалбливаютъ его изъ цѣльнаго дерева, какъ встарь дѣлались лодки. Въ одной загадкѣ то-же до сихъ поръ сохраняется представленіе о древнемъ гробѣ—лодкѣ: «гробъ плыветъ, мертвецъ реветъ, ладонь пышетъ, свѣчи горятъ». Въ тверской губ. стружки, оставшіяся отъ гроба,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА П. ЦЕЛЕСТИНО ЖИЛАРДИ.

Холостяки.

Рѣзаль на деревѣ А. Шлиперъ.

ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

РАБОТА Г. ПЕРОВА.

Гравироваль А. Матз.

А. Н. Островскій

пускают по водѣ. Въ Малороссіи разсказываютъ, что гдѣ-то далеко за моремъ живетъ народъ навъ *); чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о свѣтломъ христовомъ воскресеньѣ, на воду бросаютъ скорлупу крашеныхъ яицъ, которая и приплываетъ къ навамъ въ зеленый четвергъ, называемый крестьянами навскій великій день. Великорусскіе-же крестьяне думаютъ, что скорлупу съѣденнаго яйца непременно пужно раздавить на мелкія части, потому что если она уцѣлѣетъ и попадетъ въ воду, то русалки построятъ изъ нея корабликъ и будутъ плавать на немъ на зло крещенымъ. Въ древности съ покойникомъ отправляли на тотъ свѣтъ его рабовъ, женъ, лошадей, пѣтуховъ и разную домашнюю утварь. Въ тверской губ. до сихъ поръ каждому покойнику даютъ въ руки полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ, когда везутъ покойника въ церковь, гробъ покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и поводъ обвиваются холстомъ. Гробъ обыкновенно опускается въ могилу на холстѣ-же, который нынѣ до-стается причту; тотчасъ по кончинѣ кого-нибудь вывѣшивается изъ окна на улицу полотенце, которое и остается тутъ шесть недѣль, а потомъ отдается нищимъ. На годовыхъ поминкахъ всѣхъ родичей, невидимо присутствующихъ на обѣдѣ, по окончаніи его хозяинъ открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться по нему во-своис: «ступайте съ Богомъ, вотъ тутъ будетъ вамъ помягче». Поминки—остатокъ первобытнаго кормленія душъ умершихъ, которое совершается до сихъ поръ въ родительскій день. Представители церкви долго боролись противъ обычаевъ и увеселеній этого дня, когда «по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жалыникахъ **») и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играть скоморохи, гудцы и прегудницы, они отъ плача преставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти». Это былъ праздникъ весенняго воскресенія мертвецовъ. Зимой они терпятъ холодъ, тоску и мракъ, и въ сочельники рождественскій и крещенскій крестьяне жгутъ посреди дворовъ соломѣ, чтобы родители могли согрѣться на томъ свѣтѣ. При началѣ весеннихъ празднествъ, по случаю поворота солнца на лѣто, на святахъ, пробуждались отъ зимняго оцѣпенѣнія и покойники. «Созерцаю, говоритъ Забѣлинъ, въ солнечномъ поворотѣ явственное воскресеніе Божьяго свѣта, или воскресеніе природы отъ зимняго мрачнаго сна и вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая весь видимый міръ живымъ существомъ, язычникъ, по естественной связи этихъ воззрѣній, долженъ былъ мыслить живое и обь умершемъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что и посреди умершихъ въ это время совершается такой-же возвратъ къ свѣту и къ жизни, что и умершіе точно также празднуютъ общее торжество живыхъ. Вотъ по какой причинѣ святочные ночи въ воображеніи язычника населялись незримыми духами, торжествовавшими свое пробужденіе. Это была не-жить, которая, по народнымъ представленіямъ, своего обличья не имѣетъ и потому ходитъ въ личинахъ. Очевидно, что ряженіе во время святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ, переодѣтыхъ въ мужчинъ, и мужчинъ, переодѣтыхъ въ женщинъ, особенно страшныхъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п., являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалію—русалью, воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе. Довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней нахо-

димъ и въ старой письменности, которая къ тому-же относитъ эти языческія представленія въ область чарованія и гаданія. Она упоминаетъ о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ звѣриныхъ и птицѣныхъ, «се есть первое: тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысью и медвѣдемъ». И, по мѣрѣ того, какъ весна вступала въ свои права, это общеніе живыхъ съ мертвыми усиливалось. По свидѣтельству лѣтописца, рано утромъ въ четвергъ седьмой недѣли великаго поста жгли соломѣ и кликали мертвыхъ. Теперь въ апрѣлѣ старухи по утрамъ выходятъ на могилы и окликаютъ родителей, причитая: «ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостную нашимъ покойничкамъ, что по нихъ-ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились». Въ первый день пасхи отпираются небеса и всю свѣтлую недѣлю души умершихъ обращаются между живыми, разговливаются вмѣстѣ съ ними, пьютъ и ѣдятъ, а умирающіе въ это время прямо вступаютъ въ отворенныя настежь двери рая. Затѣмъ, настаетъ уже празднество исключительно для родителей, родоупца, родительскій или, какъ говорятъ рязанцы, навій день, гробки. Въ Малороссіи въ этотъ день причитаютъ на могилахъ, потомъ пируютъ, катаютъ яйца, поливаютъ могилы водкой. Въ Великороссіи и Сибири въ родительскій день пекутъ блины, красятъ яйца и ходятъ съ ними на могилы христосоваться съ родителями; яйца закапываютъ въ могилы. Въ харьковской губ. на пасхѣ покойники встаютъ изъ гробовъ и въ своихъ бѣлыхъ сава-нахъ собираются въ приходской церкви; давно умершіе поны надѣваютъ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго всѣ присутствующіе христосуются. На седмицкой недѣлѣ, когда въ поляхъ появляются русалки и мавки, крестьяне тоже творятъ на могилахъ поминки и кладутъ для покойниковъ яйца. Въ день семки и въ Троицу крестьянки готовятъ яичницу и несутъ ее въ лѣсъ, припѣвая:

Радуйтесь, бѣлыя березынки,
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яичницу;
Ю, ю, семикъ да Троица!

Поминованіе усопшихъ въ допетровской Россіи считалось дѣломъ до того важнымъ, что для поминованія царскихъ родителей существовало даже особое министерство—панафидный приказъ! Съ развитіемъ московско-византійской культуры первоначальное значеніе панихидъ и поминокъ въ высшемъ и среднемъ класѣ начало уступать мѣсто другимъ воззрѣніямъ, о характерѣ которыхъ даетъ хорошее понятіе легенда о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. Онъ былъ ростовщикъ и за свои неправды живымъ взять на дно адово. Владыка, въ поученіе христіанамъ, велѣлъ написать на иконѣ адъ и въ немъ Щилу въ пламени, а сыну его посовѣтовать заказать по немъ сорокоустъ у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомянутой иконѣ очутилась внѣ огня; послѣ второго сорокоуста онъ поднялся изъ адекаго пламе-

мени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ освободился.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

V.

Основы американскихъ политическихъ учрежденій.

Еще въ началѣ войны за независимость Беркъ требовалъ отъ англійскаго парламента примиренія съ Америкой. Дѣлая характеристику американцевъ, Беркъ старался убѣдить англичанъ, что затѣянные ими ссоры есть прямое покушеніе на тѣ же самыя политическія основы, которыми они такъ дорожатъ у себя. «Въ характерѣ американцевъ, говорилъ Беркъ,—любовь къ свободѣ составляетъ преобладающую черту. Этотъ гордый духъ свободы развитъ въ колоніяхъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Если американцы сдѣлали попытку разорвать цѣпи зависимости, то здѣсь случилось только то, что случается съ каждой націей, владѣнія которой очень растянуты. Когда тѣло велико, тогда власть оказывается слабѣе на оконечностяхъ. Такъ ужъ природа устроена». Такія-же естественныя причины создали и то чувство свободы, которое оскорбили англичане въ своихъ колоністахъ и на защиту котораго послѣдніе вооружились. Колонисты происходятъ отъ своихъ предковъ англичанъ, которые всегда больше всего дорожили своими правами. «Свобода, сказалъ Беркъ,—не есть кака-нибудь отвлеченность. Она навсегда связана съ представленіемъ о какомъ-нибудь правѣ. Въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, этимъ правомъ считалось обложеніе налогомъ. Право самообложенія составляло для англичанъ самую дѣйствительную и самую дорогую привилегію каждого гражданина. Это-то основное право, унаслѣдованное англійскими колоніями, и было оскорблено англійскимъ правительствомъ».

Рядомъ съ правомъ самообложенія стояло право провинціальныхъ собраній. Американцы привыкли къ народному представительству и къ свободной жизни общинъ такъ-же, какъ и къ полной религіозной свободѣ. Поэтому ни въ одной странѣ не было столько религіозныхъ сектъ, въ которыхъ въ болѣе или менѣе сильной степени выражался утонченный принципъ противодѣйствія англиканской церкви. Колонисты, оставшіе Англію преимущественно по религіознымъ причинамъ, были самыми страстными приверженцами религіозной свободы. Любопытно, что именно въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ преобладало рабство, какъ, напри-мѣръ, въ Виргиніи и Каролинѣ, чувство свободы было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ колоніяхъ, неимѣвшихъ негровъ. «Вездѣ, гдѣ царствуетъ рабство, сказалъ Беркъ,—люди свободные сильно гордятся своею свободою. Свобода становится для нихъ не только наслажденіемъ, но своего рода благородствомъ и привилегіей. Свобода кажется тутъ чѣмъ-то большимъ, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ она составляетъ всеобщее достояніе. Вотъ почему на ряду съ свободой замѣчается большая бѣдность и тяжелый трудъ, по виду близкіе къ рабству. Я не хочу дѣлать нравственной оцѣнки этого чувства, которое заключаетъ въ себѣ столько-же гордости, сколько пустоты, но не могу-же я измѣнить чело-вѣческую природу». И дѣйствительно, непреложный фактъ, что населеніе южныхъ колоній отличалось болѣе гордымъ духомъ, чѣмъ сѣверяне, и всѣ главныя дѣятели въ войну за независимость и впослѣдствіи при составленіи конституции вышли изъ южныхъ землевладѣльцевъ.

Къ этому присоединилась еще наклонность колонистовъ къ изученію права. Въ Англіи никогда не было такъ много законниковъ, какъ въ американскихъ колоніяхъ, и тамошніе юристы

*) Навъ—мертвецъ по старинному.

**) Кладбища.

были главными руководителями общественного мѣня. Послѣ религіозныхъ книгъ расходились въ Америкѣ въ наибольшемъ количествѣ сочиненія юридическія. Каждый грамотный старался знакомиться съ наукою права и люди съ юридическими познаніями выбирались преимущественно въ депутаты, въ конгрессъ и т. д. Знакомство съ правомъ развило въ американцахъ способность извѣстной юридической проницательности и американцы научились обсуждать не только отдѣльныя мѣры правительства, но оцѣнять самые принципы и послѣдствія, къ которымъ они могутъ повести.

Это чувство свободы, сложившееся путемъ исторической преемственности, политическими учрежденіями старой Англіи и унаслѣдованное какъ нѣчто готовое, хотя и приняло въ Америкѣ иную форму, но сохранило ту же сущность. Американская свобода вышла изъ англійскаго феодализма. Феодализмъ дѣлилъ населеніе на извѣстные классы, связанныя по отношенію къ коронѣ извѣстными обязательствами, а затѣмъ совершенно свободные въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Такъ, король являлся главой монархіи; бароны, рыцари, вилены были обязаны извѣстной службой королю, за что и пользовались землей и разными привилегіями. За тѣмъ, вѣ этой службѣ, бароны, рыцари и вилены были совершенно независимы и пользовались извѣстными привилегіями. Даже преподаваніе было привилегіей. Но достаточно было человѣку пріобрѣсти эту привилегію и стать членомъ университета, чтобы пользоваться правомъ свободнаго преподаванія. Судъ тоже составлялъ привилегію и каждый судился равными себѣ, не признавая другихъ судей. Бароны судились баронами, рыцари рыцарями, горожане горожанами, а вилены виленами. Конечно, при подобной іерархіи, не имѣвшей, впрочемъ, ничего кастическаго, равенство не существовало, но для развитія свободы представлялась полная возможность. И вотъ люди съ подобными-то привычками къ самодѣятельности составили ядро американскихъ колоній, гдѣ условія переселенія могли еще больше укрѣпить въ нихъ духъ независимости.

Каждый американскій поселенецъ напоминалъ собою Робинзона и каждый прошелъ одну и ту же школу. Можетъ быть, разница бывала въ какихъ-нибудь частностяхъ, но въ цѣломъ передъ каждымъ стояла одна и та же природа, каждому приходилось съ нею бороться и для каждого борьба эта была одинаково трудна. Новые мѣста, которыя занимали колонисты, были дремучими первобытными лѣсами. Рядомъ нѣтъ ни жилья, ни сосѣда, помощи ждать не откуда и переселенцу приходится самому дѣлать для себя все. Дѣло начинается съ вырубки лѣса и съ постройки какого-нибудь жалкаго шалаша, чтобы укрыться отъ непогоды и отъ дикихъ звѣрей. За тѣмъ вырубаются лѣсы подъ пашню, колонистъ пускаетъ въ ходъ топоръ и огонь и, конечно, первобытная пашня колониста не отличается агрикультурными достоинствами. Повсюду торчатъ обгорѣлые пни, вмѣсто вспашки какое-то ковыряніе земли, но сильная дѣйственная почва, пожалуй, даже и не нуждается въ лучшей обработкѣ и вознаграждаетъ сторицею трудъ колониста, бросившаго въ нее нѣсколько сѣмянъ ржи или кукурузы.

Американскій Робинзонъ чувствовалъ себя царемъ въ своемъ безпомощномъ одиночествѣ. Сама эта безпомощность развивала въ немъ чувство гордости и увѣренности въ собственной силѣ, заставляя его мало заботиться объ остальномъ человѣчествѣ и о чьей-либо помощи. Онъ питается рожью, имѣ-же посѣянной, скотомъ, имѣ-же воспитаннымъ, дичью, имѣ-же застрѣленной, и рыбой, имѣ-же наловленной. Одеждой ему служить шерсть или кожа съ его-же стада,

причемъ жиръ становится для него источникомъ свѣта. Онъ куритъ табакъ, который самъ посѣялъ, яблоки даютъ ему питье; водку, сахаръ, кофе—все это онъ самъ готовитъ. Этотъ человѣкъ живетъ, какъ въ былые времена жилали патриархи—безъ денегъ, безъ богатства, а все-таки въ довольствѣ. Мало-по-малу проникаетъ къ нему цивилизація. Страна пронизывается болѣе удобными путями, населеніе увеличивается, хлѣбъ начинаютъ продавать, скотъ вывозить, прежній шалашъ замѣняется кирпичнымъ или каменнымъ домомъ и вмѣсто несчастнаго переселенца мы видимъ счастливаго собственника. Такъ характеризуетъ американскаго піонера Лабулэ. Подобно древнему римлянину и новый американецъ уважаетъ только тѣ достоинства, которыя онъ самъ въ себѣ выработалъ, энергію, терпѣніе, трудолюбіе. Теперь предположите цѣлую массу подобныхъ людей въ видѣ націи, предложите имъ тѣ порядки, которые существуютъ въ Англіи или во Франціи и они, конечно, не поймутъ васъ. Эти порядки они сочли бы для себя притѣсненіемъ и несправедливостью. Американцу извѣстны два чувства, которыя никакъ бы не примирились съ англійскими или французскими порядками, хотя въ тоже время каждое изъ этихъ отдѣльныхъ чувствъ привилось къ англійцамъ и французамъ. Англія представляетъ любопытный образецъ страны, въ которой развилась свобода безъ равенства, и у англійчанъ спокойно уживается чувство свободы рядомъ съ привилегіями, съ правомъ первородства, съ особыми законами о наслѣдственности земли, создающее тотъ разнообразный конгломератъ, который извѣстенъ подъ именемъ англійскаго общества.

Образецъ другого порядка взаимныхъ отношеній представляетъ Франція. Это страна равенства безъ свободы. Въ то время, какъ въ Англіи феодализмъ явился силой соединяющей, во Франціи, напротивъ, онъ былъ силой враждебной. Французскіе короли, чтобы создать государственное единство, должны были принимать мѣры противъ разнуздавшихся феодаловъ, крупныхъ собственниковъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Когда правительственная власть взяла, наконецъ, перевѣсъ надъ французскими анархическими феодальными стремленіями, народъ очутился въ положеніи общаго равенства передъ единой всемогущей властью. Центральная власть вышла для Франціи всѣмъ. Она всегда все знала, во все вмѣшивалась, всему придавала форму и порядокъ. И французы выросли въ чувствахъ равенства, не зная свободы. Демократичная по гражданскимъ законамъ, Франція, въ сущности, страна монархическая, привыкшая къ сильной центральной власти. У французовъ нѣтъ привычки обдѣлывать самимъ свои дѣла, имъ всегда нуженъ руководитель, дядька. Какое-бы ни было во Франціи правительство, не исключая республиканскаго, оно всегда руководитъ страной, всегда держитъ въ своихъ рукахъ возжи, всегда является централизацией. При такомъ руководящемъ порядкѣ отношеній настоящей свободы нѣтъ и быть не можетъ, ибо она заключается въ привычкѣ дѣлать дѣла безъ вмѣшательства власти, примѣръ чего представляетъ, на примѣръ, Англія.

Цѣлая нація такихъ піонеровъ, какъ американскіе, гдѣ каждый привыкъ быть хозяиномъ своихъ поступковъ и дѣйствій, гдѣ съ самаго начала общины привыкли къ самоуправленію, нисколько не нуждаясь въ руководствѣ какой-нибудь центральной власти, гдѣ школа, судъ, церковь, обложеніе налогами и все то, что касается внутренней и хозяйственной жизни общины, порѣшалось ею самою,—цѣлая нація такихъ піонеровъ, говоримъ мы, не могла успокоиться ни на англійскихъ, ни на французскихъ

порядкахъ. И американцы, дѣйствительно, создали себѣ порядки иные, порядки такого рода, которые можно назвать только порядками американскими. Впрочемъ, американцамъ пришлось разрѣшить нелегкую задачу, прежде чѣмъ они создали дѣйствующую у нихъ конституцію.

Пока американцы составляли колоніальный союзъ и зависѣли отъ метрополіи, они не составляли еще государственнаго цѣлаго и общіе интересы находили себѣ примиреніе и руководство въ англійскомъ парламентѣ съ главою его королемъ. Каковъ-бы ни былъ характеръ этой силы и власти, но въ ней сливалось все-таки единство высшихъ интересовъ, начинающихся тамъ, гдѣ интересы отдѣльныхъ общинъ, преимущественно экономическіе и хозяйственные, какъ слишкомъ частные, теряютъ свой общій характеръ. Но когда американцы провозгласили свою декларацию правъ и объявили войну Англіи, оказалось, что безъ центральной власти какое общее дѣло невозможно. Конгрессъ, какъ мы видѣли, не изображалъ изъ себя особенной силы, даже будетъ большей правдой, если мы скажемъ, что онъ изображалъ собою безсиліе, такъ что оказалось необходимымъ вѣручить Вашингтону диктаторскую власть. По окончаніи войны, когда диктаторство было ненужнымъ и даже опаснымъ для свободы, когда Вашингтонъ сложилъ съ себя власть, американцы составили конфедераціонный союзъ и статьи конфедераціи были первой конституціей Соединенныхъ Штатовъ. Но сейчасъ же обнаружилось, что этимъ путемъ невозможно создать еще правительства. Пока длилась война, интересы отдѣльныхъ штатовъ находили примиреніе въ общемъ патріотическомъ чувствѣ. Когда-же война кончилась, каждый штатъ началъ думать только о своихъ частныхъ интересахъ и конфедераціи грозило распаденіе. Тогда-то патріоты Америки, видѣвшіе, что вся пролитая кровь за свободу, вся энергія, потраченная на борьбу, могутъ пропасть безслѣдно и американскій союзъ можетъ погибнуть въ разбѣдающей его анархіи, предложили избрать конвентъ для обсужденія всѣхъ внутреннихъ неурядицъ и для составленія конституціи. Къ составленію конституціи американцы приступили съ зрѣлостью политическаго народа. Она была обсуждена и разобрана лучшими представителями страны, затѣмъ подвергнута народному одобренію и, наконецъ, введена въ дѣйствіе 4 марта 1789 года.

(Продолженіе будетъ.)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава IV.

Двѣ сестры.

Огда во время отсутствія супруговъ Марби изъ дома, прибыли полицейскіе агенты и подвергли Элизу краткому допросу, молодая дѣвушка пришла въ отчаяніе. Послѣдовавшая затѣмъ находка въ постели Орели золотой запонки съ вензелемъ де-Фаржа едва не свела ее съ ума. Полицейскіе агенты съ торжествомъ удалились, а Элиза снова заперлась въ своей комнатѣ, дрожа отъ страха. «О, Боже мой! Что теперь произойдетъ, думала она: — моя сестра погибла»

Въ ея глазахъ все было кончено. Всѣ сказки, изобрѣтенныя сестрою, разлетались, какъ дымъ. Не было возможности долѣе скрывать истины. Что сдѣлаетъ съ ними обѣими капитанъ, такъ какъ она завѣдомо была соучастницей въ преступленіи сестры? Но одна-ли эта мысль трево-

жила молодую дѣвушку и заставляла ее дрожать, какъ въ лихорадкѣ? Нѣтъ. Она привыкла къ жестокому обращенію капитана и ей было рѣшительно все равно, любить-ли или ненавидѣть онъ ее; она слишкомъ презирала его. Боялась-ли она для Орели мести мужа? Нѣтъ. Отвратительный эгоизмъ сестры умѣрилъ ея любовь къ ней. Однако Элиза находилась подъ вліяніемъ какого-то сильнаго чувства; придя, наконецъ, къ твердой рѣшимости, она отерла глаза отъ слезъ, цосѣнно одѣлась, связала въ узелокъ свое бѣлье и направилась къ дверямъ. Тутъ она остановилась и послѣ минутнаго колебанія подошла къ столу и начала искать почтовой бумаги.

— Къ чему? тотчасъ-же сказала она вслухъ. — Она меня забудетъ такъ-же, какъ его.

И быстро, боясь внезапнаго возвращенія сестры съ мужемъ, она спустилась съ лѣстницы и побѣжала по улицѣ, не затворивъ наружной двери за собою.

Она остановилась только передъ домомъ, гдѣ жилъ Аристидъ. Тутъ мужество какъ бы оставило ее и она не рѣшалась войти. Но привратница выскочила къ ней на встрѣчу.

— О! какое несчастье! сказала привратница.

Элиза залилась слезами.

— Бѣдный г. де-Фаржъ! продолжала привратница:—его принесли утромъ мертвого... говорятъ, что по выходѣ отъ вась вчера вечеромъ у него случился ударъ на улицѣ. Бѣдный молодой человекъ! Какой онъ былъ добрый, славный!

Очевидно, никто не подозрѣвалъ роковой истины.

— Вы пришли, чтобъ дежурить у мертвого тѣла? спросила привратница:—я все ждала кого-нибудь изъ вашего дома.

— Да, да, отвѣчала, наконецъ, Элиза, судорожно вздрагивая при мысли о томъ, что ей предстояло:—я за этимъ и пришла.

А про себя она подумала: «Такъ онъ валяется одинъ, какъ собака: О неблагородарные».

И, взявъ ключъ у привратницы, она мужественно поднялась по лѣстницѣ. Но очутившись передъ дверью, она едва отперла ее, такъ тряслись ея руки. Тишина и пустота квартиры еще болѣе перепугали ее. Ноги у нея подкашивались, морозъ пробѣжалъ по тѣлу; но это продолжалось не болѣе минуты. Поборовъ свое волненіе, она сказала вполголоса:

— Бѣдный другъ мой, я тебя любила живого, неужели я буду бояться тебя мертвого.

И тихо, на ципочкахъ, она прошла чрезъ гостиную въ спальню Аристида. Съ трудомъ дошла она до кровати, на которой лежалъ мертвецъ желтоблѣдный, точно восковой. Элиза припала губами къ его рукѣ, но ледяной холодъ окоченѣвшаго тѣла заставилъ ее отшатнуться. Однако, горячо помолвившись, она встала; твердая рѣшимость блистала въ ея глазахъ.

Она осмотрѣлась по сторонамъ. На каминѣ стояли два канделябра со свѣчами, она зажгла ихъ и поставила по угламъ возвышенія, на которомъ стояла кровать съ приподнятыми занавѣсами. Потомъ она сняла со стѣны старинное распятіе, положила его на грудь покойника,правила простыни и, приложившись ко лбу, сѣла подлѣ въ кресло.

— Бѣдный, покинутый всѣми другъ, твоя маленькая сестричка будетъ караулить тебя до послѣдней минуты, говорила она про себя:—у тебя только и есть одинъ другъ, твоя рябая красавица, и она тебя никогда не забудетъ.

Черезъ нѣсколько времени послышался стукъ въ дверь и вошли трое товарищей Аристида, де-Фаржа, которые, узнавъ въ министерствѣ о случившемся, пришли предложить свои услуги г. де-Марби, который, они думали, займется похоронами, какъ самый близкій другъ покойнаго.

Они очень удивились, заставъ у постели умершаго вмѣсто капитана юную сестру его жены, но Элиза объяснила, что капитанъ нездоровъ и просила ихъ всѣмъ распорядиться. Они съ готовностью согласились и, спустя часа три, принесли отвѣтъ, что все устроено и похороны назначены на слѣдующее утро. Затѣмъ они предложили остаться ночь при покойникѣ, но Элиза отклонила это предложеніе, говоря, что она желала одна отдать этотъ долгъ умершему. Молодые люди удалились, но вполнѣ убѣжденные, что она была любовницей Аристида де-Фаржа.

Виродолженіи всего дня приходили знакомые покойника, и гробовщикъ. Наконецъ, къ вечеру все стихло и Элиза, которую сначала пугала мысль о ночи наединѣ съ мертвецомъ, чувствовала себя гораздо спокойнѣе.

Было около девяти часовъ. Молодая дѣвушка, оставивъ дверь на лѣстницу полуотворенной, стояла на кофѣняхъ за кроватью, скрытая занавѣсью. Вдругъ она услышала легкіе, проворные шаги. Она подпала голову и едва не вскрикнула. Передъ нею стояла освѣщенная канделябрами Орели.

Въ первую минуту Элиза подумала, что сестра пришла съ мужемъ и это ей понравилось. Значитъ, они вспомнили своего друга и пришли хотя поздно, но все-же пришли поклониться его смертнымъ останкамъ. Однако она ошиблась: Орели была одна. Густой вуаль, скрывавшій ея лицо и черная шаль, укутывавшая ея фигуру, ясно доказывали, что это посѣщеніе было по-крыто мракомъ тайны.

Но какъ она ушла изъ дома, который какъ казарма, запирался послѣ зари? Очень просто. Ея мужъ цѣлый день былъ не въ духѣ, не пошелъ въ министерство, объяснивъ письменно о скоростипжной смерти своего друга, очень плохо фль за обѣдомъ и осыпалъ всѣхъ и все самими изобразными ругательствами. Вечеромъ Орели уговорила его лечь спать пораньше и принять успокоительныхъ капель, вмѣсто которыхъ она дала ему большую дозу морфина. Черезъ полчаса храбрый капитанъ спалъ такимъ богатырскимъ сномъ, что пушечная пальба его не разбудила бы. Орели тихонько вышла изъ дома, взявъ съ собою ключъ, и отправилась къ Аристиду де-Фаржу.

Убѣдившись, что сестра одна и зная, чѣмъ рисковала она, отлучившись тайно изъ дома, Элиза тотчасъ мысленно помирилась съ нею. Доброе влеченіе сердца, побудившее ее во что-бы то ни стало проститься съ человекомъ, котораго она любила, оправдывало Орели въ глазахъ молодой дѣвушки во всѣхъ обвиненіяхъ, которыя она ввозила на нее съ утра. Она не хотѣла ей мѣшать и потому притаилась за занавѣсью, ожидая, что сестра опустится на кофѣни передъ покойнымъ своимъ любовникомъ и запечатлѣтъ на его холодномъ лбу послѣдній, прощальный поцѣлуй.

Но Орели какъ-бы боялась подойти къ постели. Она даже отвернула отъ нея голову, чтобъ не видѣть мертвого тѣла, прямо направилась къ этажеркѣ чернаго дерева, которая стояла между окнами, и начала открывать ящики одинъ за другимъ.

«Что она дѣлаетъ? подумала Элиза съ ужасомъ:—чего она ищетъ?»

И, бросившись къ сестрѣ, она схватила ее за руку и громко воскликнула:

— Несчастливая? Что ты воруетъ?

Ея шаги по ковру были не слышны и Орели, почувствовавъ неожиданное прикосновеніе чужей руки, вообразила въ испугѣ и волненіи, что это Аристидъ воскресъ. Она закрыла лицо руками и, дрожа, какъ осиновый листъ, бормотала безумно:

— Пощади! Пощади!

Элиза была довольна, что судьба такъ страш-

но наказывала неблагодарную женщину, по черзъ минуту ей стало жаль сестры и она всѣчески старалась ее успокоить.

— Полно, Орели, образумься, говорила она:—Аристидъ умеръ взаправду. Это не онъ, это я, твоя сестра... Но для какого новаго преступленія ты явилась сюда?

Услыхавъ голосъ сестры, молодая женщина открыла глаза, тяжело перевела дыханіе и опустилась въ кресло. Но все-же нѣсколько минутъ она не могла придти въ себя.

— Ты одна? спросила Элиза, когда сестра оправилась.

— Да?

— А Илеръ?

— Онъ спитъ. Я ему дала двойную дозу морфина. Но мнѣ надо поскорѣ вернуться домой. А ты зачѣмъ здѣсь?

— Онъ бѣдный брошенъ всѣми. Я пришла подежурить у его тѣла.

— Я очень рада тебя видѣть. Я боялась уже, чтобы ты не падѣлала глупостей. Мы вернемся вмѣстѣ домой.

— Нѣтъ, я остаюсь здѣсь. Но дѣло не во мнѣ. Зачѣмъ ты пришла сюда?

— Я...

— Ты могла очень естественно желать проститься съ Аристидомъ, но ты даже не смотришь на него.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я не могу его видѣть! воскликнула Орели вѣ себя отъ страха.

— Чего-же тебѣ здѣсь нужно? Чего ты искала въ этажеркѣ?

— Моя бѣдная Элиза, ты ничего не понимаешь, ты свободна, но если когда-нибудь откроются мои отношенія съ Аристидомъ, то я погибну, погибну на вѣки.

— Чѣмъ-же ты думаешь спасти себя?

— Я пришла сюда, чтобъ взять обратно мои письма.

— А ты думаешь о своемъ спасеніи, хотя его, едва еще охладѣвшее, тѣло лежитъ передъ тобою. Но все равно... я тебѣ отдамъ эти письма... я ихъ приносила и знаю, куда онъ ихъ клалъ.

Орели какъ будто не замѣтила презрительнаго тона этихъ словъ и послѣдовала за сестрой, которая закрыла ящики этажерки и, подойдя къ маленькому столику за кроватью, сказала:

— Вотъ здѣсь твои письма, портретъ и волосы.

— О, дай, дай все это поскорѣ, особенно портретъ.

— Да, на портретѣ есть надписи:—«Та, которая пожертвовала тебѣ любовью и честью, желала-бы отдать тебѣ и свою жизнь, мой Аристидъ».

— Боже! Что это? Затвори скорѣ ящикъ.

Дѣйствительно, въ гостиной послышались шаги нѣсколькихъ человекъ и голосъ привратницы. Элиза цосѣнно затворила ящикъ. Черезъ секунду вошли въ комнату три человека: одинъ изъ нихъ, поклонившись Орели, спросилъ:

— Вы, сударыни, родственницы покойнаго?

— Нѣтъ; мы только друзья.

— Эти дамы замѣняютъ его семью, замѣтила привратница.

— Мы явились сюда, чтобъ именемъ закона и въ интересахъ наслѣдниковъ наложить печати...

— Печати, промолвила Орели, поблѣднѣвъ.

— Исполняйте свою обязанность, г. судья. Я вамъ помогу, сказала Элиза напротивъ очень спокойно.

И она вмѣстѣ съ привратницей стала указывать вещи, на которыя слѣдовало, по ея мнѣнію, наложить печати. Прежде всего она обратила вниманіе на столикъ за постелью, ящикъ котораго отворяла за минуту передъ тѣмъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА БОМПАНИ.

Помпеянка, несущая воду.

Ръзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— Здѣсь, какъ мнѣ извѣстно, г. де-Фаржъ держалъ всѣ свои бумаги, сказала она.

— Такъ мы начнемъ съ него, сказалъ мировой судья и по его приказанію замокъ ящика заклеили на крестъ двумя бумажными лентами, сверху которыхъ приложили печать.

Орели съ отчаяніемъ слѣдила за этой операцией. А Элиза улыбалась, словно довольная неудачей сестры. Дѣйствительно, въ первую минуту она по сердечной добротѣ хотѣла отдать сестрѣ письма, но теперь была очень довольна, что ей въ этомъ помѣшала законная власть.

Опечатать все въ спальной, мировой судья перешелъ въ гостиную и когда тамъ такъ-же все было окончено, онъ откланялся дамамъ. Элиза проводила его до лѣстницы.

Во все это время Орели сидѣла неподвижно въ креслѣ, погруженная въ тяжелую думу. Эти письма, рано или поздно будутъ открыты и если объ нихъ узнаетъ ее мужъ, что было очень вѣроятно, она погибла. И подумать только, что приди она минутой ранѣе, все было-бы спасено и письма съ портретомъ и волосами находились бы въ ея карманѣ. Какъ истая эгоистка, она даже обвиняла Элизу въ томъ, что послѣдняя не подумала ранѣе захватить эти драгоценные предметы, такъ какъ ей хорошо было извѣстно объ нихъ. Тутъ вдругъ ей вошла въ голову дикая мысль: зачѣмъ молодая дѣвушка была здѣсь? Что могло ее побудить оставаться одной ночью съ этимъ ужаснымъ мертвецомъ? Ужъ не справедлива-ли была сказка, сочиненная ею? Ужъ не была-ли она на самомъ дѣлѣ любовницей Аристиды?

Подъ вліяніемъ этихъ безумныхъ идей, Орели, какъ только удалился мировой судья, перешла въ гостиную и, по возвращеніи сестры, воскликнула гнѣвно:

— Ну, ты теперь торжествуешь! Я погибла. Ты мнѣ отомстила.

Элиза посмотрѣла на нее съ изумленіемъ. Она ничего не понимала, но, видя, что лицо Орели, которая приподняла вуаль, было искажено дикой злобой, спросила:

— Что съ тобою?

— Ты мнѣ отплатила сегодня за все, что я сдѣлала для тебя.

— Для меня?

— Да. Изъ-за тебя я сотни разъ ссорилась съ мужемъ... Я думала, что могу рассчитывать на твою благодарность и довѣрила тебѣ мою тайну. А ты, пользуясь моимъ несчастнымъ положеніемъ, сама сдѣлалась любовницей моего любовника.

— О! Боже мой! Да вѣдь онъ лежитъ мертвый въ сосѣдней комнатѣ! Послѣй повторить эти слова передъ тѣмъ, котораго ты убила.

— Я его убила? Вотъ видишь, ты уже обвиняешь меня въ убійствѣ, а завтра изъ мести за то, что онъ меня любилъ, ты скажешь обо всемъ моему мужу и укажешь, гдѣ хранятся мои письма.

— Орели, ты сума сошла.

— Нѣтъ, я поняла теперь, какое ты низкое созданіе. Мой мужъ вполне правъ, что тебя ненавидитъ. Ты завидовала мнѣ во всемъ, ты завидовала моему положенію, моей любви, моей красотѣ... неблагодарная, безсердечная дѣвочка.

Глаза молодой дѣвушки засверкали, ея вѣчно сгорбленная спина выпрямилась и, гордо поднявъ голову, она сказала съ благороднымъ негодованіемъ, но въполголоса, какъ-бы боясь, чтобы мертвый ея не услышалъ:

— Довольно, сестра... Я тебѣ запрещаю говорить здѣсь о неблагодарности. У меня нѣтъ сердца! Несчастная, да, если я въ чемъ-нибудь виновата, то лишь въ томъ, что согласилась жить съ вами. Вы меня пріютили, это правда,

но вы обращались со мною, какъ со служанкой. Твой мужъ былъ со мною такъ жестокъ и несправедливъ, что я этимъ оправдывала свое низкое поведеніе относительно его, соглашаясь играть ту презрѣнную роль, которую ты мнѣ дала въ драмѣ, только-что окончившейся.

— Какъ ты смѣешь, начала было Орели громкимъ голосомъ, но Элиза перебила ее:

— Говори тише изъ уваженія къ твоей несчастной жертвѣ.

При этихъ словахъ Орели всю передернуло, но ея сестра продолжала:

— Да, онъ—твоя жертва!.. Если вы съ мужемъ меня ненавидите, то съ сегодняшняго дня я плачу вамъ той-же монетой. Мало того, я презираю васъ отъ всего сердца. Какъ-же мнѣ не презирать сестры, которая, вмѣсто того, чтобы быть мнѣ второй матерью, подавала мнѣ самый отвратительный примѣръ. Не уважая ни моей юности, ни моей невинности, ты меня познакомила съ своей преступной любовью... ты заставила меня обманывать того, въ неблагодарности къ которому ты сегодня меня упрекаешь. Ты осквернила мое дѣтское воображеніе грязными мыслями и однако, Орели, я осталась все той-же честной дѣвушкой. Я тебя презираю, потому что, желая спасти то, что ты называешь своей честью, ты не посовѣстилась обвинить меня въ позорномъ поступкѣ и смѣешь теперь повторять мнѣ въ лицо эту гнусную клевету.

— Я знаю, что мнѣ остается дѣлать, сказала Орели и направилась къ двери, но Элиза предупредила ее, заперла дверь на ключъ и спрятала его въ карманъ.

— Нѣтъ, ты не уйдешь отсюда, пока не выслушаешь меня до конца, произнесла молодая дѣвушка рѣшительно, и Орели, боясь скандала, молча опустилась на кресло.—Мы болѣе никогда не увидимся и я хочу, чтобы ты все знала. Я тебѣ объяснила, почему я васъ презираю, теперь скажу почему я васъ ненавижу... благодаря несчастному, котораго вы бросили, какъ дохлую кошку. Я васъ ненавижу, потому что могу теперь совершенно справедливо судить объ васъ. Я ненавижу вашего мужа за его тупой эгоизмъ и ложь. Онъ часто хвасталъ тѣмъ, что помогалъ нашимъ родителямъ. Онъ лгалъ и ты это знала, но молчала. Онъ упрекалъ меня въ каждомъ кускѣ хлѣба, а я должна была вставать на разсвѣтѣ, мыть ваше бѣлье, потомъ будить его, чистить его платье, убирать комнаты, какъ служанка, и помогать тебѣ стряпать на кухнѣ. Окончивъ эту службу, я отправлялась по твоимъ порученіямъ, а затѣмъ накрывала столъ. Когда вы уходили въ гости или гулять, я оставалась дома. Съ тѣхъ поръ какъ я у васъ, я не имѣла ни одного праздника и не получала ни гроша. Твои обноски составляли мой туалетъ. И развѣ я жаловалась? Никогда. Страшное несчастье грозило тебѣ ежедневно; я была соучастницей твоего преступленія. Теперь ты перебросила вину на меня, не заботясь о томъ, что это губить всю мою будущность. Я согласилась. Твой мужъ обошелся со мною за это самымъ недостойнымъ образомъ; я невольно заплакала. Что-же ты заступилась за меня... неблагодарная, безсердечная?

Она подождала съ минуту отвѣта, но Орели только пожала плечами.

— Я знала лишь одного добраго человѣка, продолжала Элиза,—это бѣднаго молодого человѣка, который лежитъ мертвый въ сосѣдней комнатѣ. У него было слишкомъ много сердца и онъ отъ этого умеръ. Ты его соблазнила и обошла своимъ кокетствомъ.

— Ты это говоришь изъ ревности!

— Какъ тебѣ не стыдно лгать? Но ложью ты себя не оправдаешь.

— Какое право ты имѣешь судить о моемъ поведеніи?

— А то право, которое мнѣ даетъ моя роль жертвы, если я соглашусь молчать.

— Какъ, ты хочешь меня предать! воскликнула Орели, вдругъ измѣняя тонъ:—нѣтъ, ты меня не погубишь.

— Зачѣмъ-же мнѣ жалѣть тебя болѣе, чѣмъ ты меня жалѣешь?

Орели поникла головой.

— Аристидъ былъ другомъ вашего дома, даже нѣкоторые говорили, что г. де-Марби смотрѣлъ на него, какъ на сына. Еслибъ твой мужъ имѣлъ хоть тѣнь подозрѣнія, я поняла бы еще твое поведеніе, но ты меня принесла въ жертву безъ всякой причины. Я все-таки согласилась, главное изъ уваженія къ памяти покойника. Но его тѣло перенесли домой и г. де-Марби не позаботился даже узнать, приняты ли необходимыя мѣры къ устройству похоронъ. Я не видѣла у него на глазахъ ни слезы, не слышала отъ него ни слова сожалѣнія по случаю смерти его лучшаго друга, которому онъ обязанъ своимъ мѣстомъ въ министерствѣ.

— Развѣ я отвѣтственна за моего мужа?

— Но ты хуже его съ той страшной минуты, какъ ты выбросила Аристиду изъ окна. О, мнѣ страшно вспомнить объ этой ужасной картинѣ, ты, кажется, вырвала изъ своего сердца память о немъ. Какое тебѣ дѣло, что скажутъ: вотъ негодяй, въ благодарность за дружбу г. де-Марби, онъ соблазнилъ его сестру? Ты спасена—вотъ главное. Его приносятъ сюда и онъ лежитъ тутъ одинъ, какъ собака, а тебѣ и горя мало.

— Ты знаешь, что я не могла придти.

— Нѣтъ, ты не могла придти для него, чтобы проститься съ нимъ, но для себя ты нашла средство пробраться сюда тайкомъ, какъ воръ, чтобы украсть компрометирующія тебя письма... Мнѣ право стыдно за тебя. Справедливый Господь тебя и наказалъ; твоя попытка святотатственной кражи неудалась и доказательства твоей вины невозможно уничтожить.

— Такъ ты все скажешь?

— Нѣтъ, я буду молчать. Ступай къ своему достойному супругу. А я останусь здѣсь молиться.

Орели хотѣла ее удержать въ дверяхъ спальни.

— Не обвиняй меня, Элиза, сказала она:—выслушай мое оправданіе.

— Прощай, отвѣчала молодая дѣвушка и, подойдя къ кровати Аристиды, встала на колѣни.

Орели не посмѣла за нею послѣдовать. Въ глубинѣ своего сердца она сознавала, что дѣйствительно была виновна въ смерти Аристиды и, какъ преступница, боялась очной ставки съ мертвецомъ. Послѣ минутнаго колебанія она удалась и, спустившись съ лѣстницы, поѣхала домой.

По дорогѣ она серьезно обдумала свое положеніе. Ее, какъ всегда, занимала только одна мысль—о себѣ самой.

Положимъ, что писемъ она не достала, но они были сохранены подъ судейскими печатами и до той минуты, когда ихъ вскроютъ, пройдетъ много времени; она успѣетъ принять необходимыя мѣры, чтобы получить эти письма. Самое тяжелое для нея во всей этой исторіи была неожиданная оппозиція Элизы, но она дала слово молчать. И такъ, оставалось только спокойно ожидать обстоятельствъ.

Достигнувъ дома, она тихонько пробралась въ свою комнату. Капитанъ громко храпѣлъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, на время я могу спокойно спать, прошептала она, ложась въ постель.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ міра русскаго искусства.

Диллетанта.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА.

Положеніе художественнаго критика, по истинѣ, плачевно. Обозрѣвать наши художественныя выставки, отмѣчая обстоятельно все болѣе или менѣе удачное и все болѣе или менѣе неудачное, — не представляетъ ни малѣйшей возможности, не потому, чтобы произведенія нашихъ художниковъ, выставляемые ежегодно, были такъ многочисленны, и своимъ количествомъ затрудняли обозрѣвателя; не потому, что наши выставки крайне мало разнообразны въ качественномъ отношеніи, такъ что, перечисляя картины, этюды и эскизы, невольно приходится повторять одни и тѣ же общія мѣста, указывать на одни и тѣ же особенности, не будучи въ состояніи придти къ какому бы то ни было общему выводу, характеризующему направление современной русской живописи. Русское искусство имѣетъ ту страшную особенность, что, не выработавъ школы, не выдѣливъ изъ себя нѣсколькихъ теченій, которыя бы даже въ общихъ чертахъ были аналогичны теченіямъ европейскаго искусства, — не подчиняется въ тоже время никакимъ общимъ принципамъ и представляетъ изъ себя тотъ поэтический, или, если хотите, художественный безпорядокъ, въ которомъ такъ трудно разобраться свѣдущему человѣку. Обратите, напр., вниманіе на одно обстоятельство, несомнѣнно характерное и многозначительное. Вся русская художественная критика, и во главѣ ея прежде всего г. В. Стасовъ, — вотъ уже сколько лѣтъ утверждаетъ, что несомнѣнно самостоятельный характеръ современной русской живописи, по преимуществу, ярко и крупно выражается въ русскомъ народномъ жанрѣ, который будто бы представляетъ что-то совершенно самобытное, оригинальное, невѣдомое западной Европѣ и открывающее новые горизонты живописи. Изъ за этого вопроса о русскомъ жанрѣ въ свое время немало было потрачено острыхъ словъ и громкихъ фразъ; въ своемъ усердіи извѣстная часть русской художественной критики сдѣлала чуть-ли не настоящій casus belli, выразившійся если не сраженіями и не военными картинами à la Верещагинъ, то во всякомъ случаѣ печатной перебранкой, изъ которой оказалось, что европейское искусство не стоитъ и мѣдной копейки. И что-же? Русскій народный жанръ не выдержалъ роли, которую возложила на него наша художественная критика; онъ, можно сказать, «отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть». Послѣ первыхъ проблесковъ несомнѣннаго таланта этотъ жанръ не достигъ совершеннѣйшаго и, подобно юношѣ, здоровье котораго несомнѣнно потрясено, можетъ быть эксцессами, или слишкомъ усерднымъ захваливаніемъ, — жанръ этотъ, — говорю я, — сталъ вянуть и съ нѣкотораго времени почти совершенно завялъ. Уже на прошлогоднихъ выставкахъ симптомы этой вялости и отсутствіе жизненныхъ соковъ проявились въ довольно рѣзкихъ формахъ и поразили не только обычныхъ зрителей и публику, но и критику. Въ настоящемъ году болѣзненное состояніе нашего жанра еще значительнѣе: на общихъ выставкахъ, какъ академической, такъ и передвижной, жанръ почти безусловно блеситъ своимъ отсутствіемъ; нѣсколько «головокъ», нѣсколько «сценъ», — вотъ и все, что осталось въ нынѣшнемъ году отъ нашего жанра, и среди этихъ «головокъ» и «сценъ» даже самый безпристрастный зритель затруднится указать на произведеніе, болѣе или менѣе выдающееся, болѣе или менѣе обращающее на себя вниманіе, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ картинъ большихъ размѣровъ (на передвижной выставкѣ): Савицкаго «На войну» и В. Маковского «Толкучій

рынокъ въ Москвѣ». Къ этимъ двумъ картинамъ я еще возвращусь, когда буду говорить о передвижной выставкѣ; но онѣ, во всякомъ случаѣ, своимъ присутствіемъ не устраиваютъ все болѣе и болѣе утверждающагося мнѣнія, что нашъ жанръ чахнетъ не по днямъ, а по часамъ.

Лучшимъ доказательствомъ этой, какъ кажется, совершенно несомнѣнной истины можетъ служить большая картина — жанръ г. Рѣпина. «Сдача рекрута», — картина, попавшая на академическую выставку, такъ сказать, фуксомъ, потому что талантливый художникъ состоитъ, какъ извѣстно, членомъ общества передвижныхъ выставокъ. Г. Рѣпинъ пользуется несомнѣнною благосклонностью нашей критики, которая въ большинствѣ своихъ представителей провозгласила его великимъ русскимъ художникомъ. Нѣтъ, конечно, никакой возможности отрицать значительный талантъ г. Рѣпина; по крайней мѣрѣ, что относится меня, то я неоднократно заявлялъ объ этомъ печатно и въ настоящую минуту съ особеннымъ удовольствіемъ заявилъ бы о новомъ его успѣхѣ, если бы этотъ успѣхъ дѣйствительно былъ. Къ сожалѣнію, послѣдняя его картина доказываетъ до какой степени похвалы, которыми встрѣтила г. Рѣпина наша критика, были преувеличены. «Сдача рекрута», по крайнему моему убѣжденію, произведеніе не выполнѣвшее, хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и въ особенности въ техническомъ исполненіи нѣкоторыхъ частей картина несомнѣнно выдѣляется. Но говоря вообще и въ особенности по отношенію къ композиціи, «Сдача рекрута» представляетъ собою произведеніе, совершенно неудавшееся и, что хуже, — незрѣлое, не продуманное. Толпа лицъ, толпящихся на дворѣ избы и провожающихъ новобранца, расположена не живописно, въ этомъ расположеніи мало разнообразія и еще менѣе жизненной правды. Къ тому же, картина, по преимуществу, грѣшитъ реальностью, хотя г. Рѣпинъ и считается по чему-то представителемъ нашего художественнаго реализма. Слова нѣтъ, что выраженія нѣкоторыхъ фizioномій перваго плана превосходны и, вѣроятно, списаны съ натуры: къ такимъ лицамъ принадлежитъ, между прочимъ, старикъ, стоящій у телѣги, — очевидно, отецъ новобранца, съ неподдѣльной грустью на лицѣ; далѣе — старуха на телѣгѣ, ребенокъ — дѣвочка, стоящая у прощающагося съ невѣстой новобранца. Вообще, выразительность лицъ — лучшая сторона въ картинѣ г. Рѣпина; за тѣмъ телѣга и лошадь написаны (въ техническомъ отношеніи) замѣчательно хорошо; но рядомъ съ этимъ техническимъ совершенствомъ встрѣчаются болѣе, чѣмъ странности, рѣжущія глаза и указывающія на то, съ какой небрежностью отнесся художникъ къ своей задачѣ. Обратите, напр., вниманіе на лапти мужика, стоящаго у прощающейсѣ четы; такой ноги, обутой въ такіе лапти, едва-ли когда-либо представлялъ русскій мужикъ. Обратите затѣмъ вниманіе на руку новобранца, — эта рука такой громадной величины, такая уродливая по формамъ, что трудно себѣ представить. Обратите вниманіе далѣе на костюмы бабъ; одна изъ нихъ, стоящая лѣстниці съ правой стороны картины и смотрящая на прощаніе, одѣта въ какой-то розовый ситецъ, который никогда не встрѣчается въ деревняхъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на соломенную крышу: крыша эта въ смыслѣ живописнаго эффекта написана недурно, но она до такой степени вычищена, до такой степени блестятъ на солнцѣ, солома на ней до такой степени свѣжа и безукоризненно чиста, что зритель невольно обвиняетъ художника въ принаряживаніи дѣйствительности, что для правдиваго реалиста, является недостаткомъ первой важности. Кромѣ всего этого, всѣ лица картины

сгущены на сравнительно маломъ пространствѣ, они толпятся, занимаютъ собою весь первый планъ, и вслѣдствіе этого въ картинѣ чувствуется недостатокъ воздуха и зритель, въ концѣ концовъ, не можетъ себѣ представить ясно даже плана мѣстности, на которой происходитъ сцена. Я указалъ только на главные недостатки, упуская другіе, второстепенные; что же касается до общей идеи картины, то она грѣшитъ неясностью; для жанра не достаточно нѣсколько выразительныхъ, схваченныхъ съ натуры типовъ, не достаточно также извѣстнаго жизненнаго содержанія, понятнаго по своей простотѣ; жанръ требуетъ еще и извѣстной идеи, — а ея-то и нѣтъ въ картинѣ г. Рѣпина. Проводы новобранца и прощаніе его съ невѣстой, съ родными, съ деревенской жизнью, — вотъ содержаніе, т. е. другими словами, простой жизненный фактъ, голый въ своей непосредственности и самъ по себѣ еще недостаточный для картины. Цѣль искусства всегда одна и та же, обобщеніе факта, синтезъ жизни; жанръ, имѣя дѣло съ обыденною жизнью, болѣе чѣмъ всякій другой родъ живописи, способенъ на подобное обобщеніе, но его-то именно г. Рѣпинъ и не даетъ намъ, ограничиваясь простымъ перенесеніемъ дѣйствительности на холстъ. Его «Бурлаки», каковы бы ни были недостатки этой картины, заключали въ себѣ эту идею, которой не достаетъ въ «Сдачѣ рекрута».

Я распространился о картинѣ г. Рѣпина болѣе, чѣмъ слѣдовало, потому что она представляетъ собою почти единственную картину настоящаго народнаго жанра, подававшая еще такъ недавно самыя блестящія надежды. За исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ г. Трутовскаго, на академической выставкѣ нѣтъ другихъ жанровыхъ картинъ; но о произведеніяхъ г. Трутовскаго не представляется надобности говорить много. Его «Базарный день въ уѣздномъ городѣ», «Гдѣ была», «Засада», «Испугъ», «Поваръ-художникъ», — ничего не прибавляютъ къ тому, что мы уже давнымъ-давно знаемъ о немъ, какъ о художникѣ. Нѣсколько грубая техника въ исполненіи, нѣкоторая сухость красокъ съ избыткомъ выкупаются у него игривостью содержанія, юморомъ и типичностью фигуръ. Къ лучшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ можно отнести «Базарный день въ уѣздномъ городѣ» и «Гдѣ была». Въ первой картинѣ (небольшой по размѣрамъ) очень курьезно и живо схвачены малороссійскіе типы, въ особенности типъ допотопнаго помѣщика, который здоровается съ столь-же допотопной помѣщицей. Другая картина «Гдѣ была» имѣетъ содержаніемъ великорусскую народную жизнь; въ избѣ у стола сидитъ мужикъ и, обративъ въ сторону къ двери, въ которую только-что вошла молодая женщина, грозно на нее поглядываетъ, какъ-бы спрашивая: гдѣ была? Очень хорошо выраженіе молодой женщины, робко и боязливо остановившейся у дверей и предчувствующей семейную бурю; менѣе удовлетворительно лицо мужа, нѣсколько театральныя повороты его головы, неестественная нога, сжатый кулакъ на столѣ, напоминаютъ собой какого-то мужичкаго богатыря; типъ этотъ нѣсколько идеализированъ и потому неудаченъ.

Вотъ и все, кажется, по части жанра. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ портретовъ, изъ которыхъ ни одинъ не выдѣляется. Портреты профессора Келлера, какъ извѣстно, не блещутъ особенными красотою, — вотъ все, что объ нихъ можно сказать. Г. Будкевичъ выставилъ портретъ г. NN., который блещетъ, но, конечно, не красотою: лобъ темно-желтый, почти выпадающій въ лиловый цвѣтъ и усы, точно у таракана; точно такими-же техническими совершенствами отличается и портретъ Ф. Н. Г., писанный класнымъ

художникомъ первой степени, г. Шаховскимъ. За то нѣкоторые этюды и просто «головки» представляютъ собою болѣе почтенный художественный матеріалъ; такъ этюды головъ съ натуры г. Тидеке очень педурны, «Хохлушка» г. Платонова также отличается нѣкоторыми достоинствами, хотя неизвѣстно, зачѣмъ художникъ помѣстилъ въ рукѣ хохлушки вазилекъ и заставилъ ее довольно приторно улыбаться зрителю. Портреты и этюды баронессы Вравгель, этюды головъ гг. Наумова, Гоуэра, Макарова, — не лишены достоинствъ, хотя техника могла-бы быть значительно лучше. Академикъ Боткинъ выставилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ большинство — этюды, между которыми есть превосходные, напр. «Старушка», «Кардиналъ», «Мандолината»; этюдъ головы въ красной шапкѣ. Его портреты г. Постникова нѣсколько суховаты по тонамъ и вообще мало колоритны. Вообще г. Боткинъ представляетъ собою довольно странное и исключительное явленіе: у него нѣтъ своей манеры. Его портреты и этюды писаны по большей части широкою кистью, эскизно, но колоритно и сочно: между тѣмъ какъ его картины, напр. тутъ-же выставленная «Гонимая мастерская», — слишкомъ тщательно выписаны, можно даже сказать, вылизаны. «Гонимая мастерская» представляетъ собою, во всякомъ случаѣ, странное явленіе: голый старикъ, сидя на полу, на которомъ разостланъ коверъ, держитъ какую-то древней формы вазу; передъ нимъ мальчикъ, также совершенно голый, растянулся во весь ростъ на полу, поддерживая голову руками и показывая публикѣ свои юные формы. Что сей сонъ означаетъ? — спрашиваетъ себя озадаченный зритель и, разумеется, не можетъ отыскать отвѣта на свой вопросъ. Столь-же загадочно и странною кажется другая картина (большихъ размѣровъ) г. Боткина: «Бесѣда Христа съ учениками». Христосъ и три ученика сидятъ на какомъ-то пригоркѣ, вдали виднѣется Иерусалимъ; надо полагать, что дѣло происходитъ вечеромъ, или ночью, потому что какое-то бѣгальское освѣщеніе всей картины, должно изображать собою лунный свѣтъ. Эта картина, недурно задуманная, совершенно погибаетъ, благодаря этому странному освѣщенію; приближая къ нему художникъ, очевидно, хотѣлъ придать поэзію картинѣ, но кромѣ шокирующей странности изъ этого ничего не вышло.

Къ заслуживающимъ вниманія картинамъ настоящей выставки слѣдуетъ отнести жанры г. Урлауба. Этотъ художникъ отмежевалъ себя небольшую, правда, сферу, но въ этой сферѣ онъ, несомнѣнно, полный хозяинъ, и выработалъ себя чрезвычайно своеобразную манеру, положительно выдѣляющую его. Онъ — юмористъ, но юмористъ своеобразный, а не бапальный. Техника его очень хороша, хотя въ лицахъ и фигурахъ можетъ быть и недостасть лѣвки. Его «Предостереженіе доктора» очень юмористично по содержанію и прекрасно написано; это — нѣмецкій жанръ. «Сцена изъ доцъ-Кихота», «Веселая кампанія» (двѣ картины), «Влюбленная кухарка», «Восторженный музыкантъ», «Уютное созерцаніе», «Неприятная встрѣча», «Съ похмѣлья» и «Монахъ» (этюдъ), — всѣ эти картины въ своемъ родѣ очень интересны и представляютъ положительные достоинства. Въ особенности оригинальны и своеобразны «Влюбленная кухарка» и «Уютное созерцаніе». Представьте себѣ, крошечныя, почти миньютюрныя картинки, едва замѣтныя, но полныя юмора; дѣло происходитъ, какъ въ одной, такъ и въ другой, почти у самой крыши, въ окнѣ, изъ котораго высовывается влюбленная кухарка, приготовляющая вкусное лакомство своему предмету. Въ «Уютномъ созерцаніи» дѣло тоже происходитъ подъ крышей, въ окнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Альбомъ русской охоты.

Въ №№ 6, 7, 9 и 11 нашего журнала помѣщены четыре рисунка художника Петра Соколова, о которыхъ считаемъ себя обязанными сказать по нѣсколько пояснительныхъ словъ о каждомъ.

Охота съ ножомъ на медвѣдя, изображенная на рисункѣ въ № 6, была уже пояснена нами въ № 1, гдѣ воспроизведенъ былъ другой видъ охоты на медвѣдя — съ рогатиной.

Въ № 7 помѣщенъ Ермолай съ Валеткой, одинъ изъ героевъ «Записокъ охотника» И. С. Тургенева, типъ былого времени; все болѣе и болѣе отдаляющагося отъ насъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права, порождавшего собою такихъ горемыкъ, какъ тургеневскій Ермолай.

Конечно, Ермолай былъ дворовый человекъ, которому владѣлецъ его, «помѣщикъ стариннаго покроя», велѣлъ быть охотникомъ и доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человека ни на какую работу негоднаго, «лядащаго», какъ говорится. Пороху и дроби, разумеется, ему не давали, слѣдую точно тѣмъ-же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человекъ престараннаго рода: беззаботный, какъ птица, довольно говорливый, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не ужиналъ на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и перекашивался съ боку на бокъ и, шмыгая и перекашиваясь, улетѣвывалъ веретъ 60 въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, саживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и гарахъ, линался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ вещей, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки черезъ нѣсколько времени возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и собакой. Нельзя было назвать его человекомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудачкомъ. Ермолай любилъ показывать съ хоронимъ человекомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало и пойдетъ... И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь черезъ кусты да водомойни... Никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полную воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по-чутью дичь, подманивать перелетовъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ съ «аѣшовой дудкой», съ «кукушкинымъ перелетомъ»... *) Наружность Ермолая изображена въ «Запискахъ охотника» слѣдующими чертами: «Лѣтъ 45, высокій, худой, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человекъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смужками, подаренную ему въ веселый часъ разорившимся помѣщикомъ... Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное при томъ скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлая лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья, и хитрому человеку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванію Валетка, предудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. «Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ, — при томъ псѣ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье...» Особенное удовольствіе доставлялъ Валетка поварамъ, когда онъ по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ».

Въ № 9 художникъ изобразилъ «Охоту на глухаря» на «току». Это любимая охота сѣверныхъ охотниковъ, гдѣ много еще огромныхъ лѣсныхъ пространствъ съ мховинами, ягодникомъ и непроходимыми трущобами, столь любимыми глухарями. Петербургскіе охотники любятъ охоту на глухаря на «току», преимущественно потому, что это — единственная охота по птицѣ, дозволяемая закономъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Рисунокъ въ № 11 представляетъ «Травлю медвѣдя медвѣдяскими собаками». Конечно, и эта охотничья потѣха относится къ весьма отдаленному времени, потому что даже въ крѣпостное время, уже

*) Особый «коляна» въ словыномъ пѣніи.

лѣтъ 40, медвѣдяскихъ собакъ почти не было; изрѣдка лишь встрѣчались онѣ отдѣльными экземплярами у богатыхъ помѣщиковъ-охотниковъ, и то какъ комнатное животное. Типъ этой собаки, по справедливости признававшейся русской, можно считать теперь исчезнувшимъ, или переродившимся въ дѣтство самыхъ неразборчивыхъ помѣщей. Надо полагать, что русская медвѣдя пропала отъ англійскаго дога, пріобрѣтѣна подъ вліяніемъ климатическихъ вліяній и скрещиваній болѣе густую и длинную шерсть и гигантскій ростъ, вполне соответствующій необычайной силѣ и злобности этой собаки. Двухъ собакъ можно было пускать на медвѣдя и онѣ его одолѣвали.

Преимущественная задача художника въ этомъ послѣднемъ рисункѣ была — изобразить исчезнувшій типъ русской собаки, называемой медвѣдянской или медвѣдянской. Переродившійся этотъ типъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ знатоковъ, встрѣчается иногда нынѣ среди многихъ и разнообразныхъ видовъ русскихъ овчарокъ.

Къ рисункамъ.

Спасеніе, картина Эжена Фейяна. — Вотъ Фейяна, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ, нѣтъ возможности упрекать въ неестественности и въ отсутствіи простоты. Даже самые строгіе зрители въ этомъ отношеніи останутся вполне довольны. Въ картинѣ Фейяна все необыкновенно правдиво, и это качество прежде всего бросается въ глаза въ его жанровой картинѣ. Група женщинъ, заботливо ухаживающихъ за только что вытасненнымъ изъ воды ребенкомъ, ихъ добрыя, типично-французскія лица съ выраженіемъ участія, спасителя — молодой мальчикъ, глядящій нѣсколько изъ дали на эту сцену, его непринужденная поза, его лицо, по которому еще струится вода, двое другихъ мальчишекъ, барахтающихся въ водѣ, и чудесный морской пейзажъ вдали, все это такъ неподражаемо — правдиво схвачено, что зрителю кажется, что ему самому не разъ приходилось быть свидѣтелемъ подобной сцены. Но эта правдивость записана здѣсь не только отъ условій картины, но также и отъ самой природы, — также сцена, перенесенная въ Тангеръ, съ дѣйствующими лицами принадлежащими Мароккской имперіи, — приняла-бы другой характеръ, который показался-бы намъ менѣе правдивымъ, хотя и въ значительной степени гораздо болѣе живописнымъ. Величайшая заслуга художника, слѣдовательно, заключается въ вѣрномъ и близкомъ воспроизведеніи природы данной мѣстности и данной культуры. И въ этомъ отношеніи Фейяна можно считать однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ французскихъ художниковъ, совершенно оставившимъ академическую школу условности и сочинности. Молодая школа французскихъ жанристовъ, не мудрствуя лукаво, довольствуется тѣмъ трезвымъ реализмомъ, который ничего не сочиняетъ, ничего не принаряжаетъ, полагая, что природа и люди интересны сами по себѣ. Но въ этой-то правдивости и заключается вся трудность творчества по извѣстнымъ опредѣленнымъ и застывшимъ приемамъ гораздо легче, чѣмъ умѣние уловить въ безконечномъ разнообразіи природы жизненную струю, которая сохранила-бы художественный интересъ, ничего не теряя изъ своей реальности.

Крестовосцы, Густава Дорэ. Мы уже имѣли случай говорить о замѣчательныхъ иллюстраціяхъ Густава Дорэ къ «Исторіи крестовыхъ походовъ» Мишо. Въ первомъ рисункѣ, помѣщенномъ нами въ «Живописномъ Обзорѣ», изображалось прощаніе крестовосцевъ съ дѣтьми и женами; въ настоящемъ, мы видимъ ихъ уже на востокѣ, въ кровавой битвѣ. На этотъ разъ мы можемъ только повторить то, что уже сказали: знаменитый иллюстраторъ въ батальныхъ сценахъ также интересенъ, какъ и въ сценахъ изъ семейной жизни. Здѣсь онъ изображаетъ намъ битву въ полномъ ея разгарѣ: безформенныя кучи людей въ забралѣхъ, перепавшихъ въ бродъ рѣки, нападають на мусульманъ. Ни съ чѣмъ невозможно сравнить ту «furia francese», съ которою крестовосцы нападаютъ. Въ каждой фигурѣ такъ много движенія, жизни, остревненія, что болѣе живого изображенія сраженія трудно отыскать даже въ знаменитѣйшихъ батальныхъ картинахъ.

Гусары, картина Мессонье (№ 12). Эта сценка изъ военной жизни, которую французскій художникъ изучилъ такъ изумительно подробно и детально, — не имѣетъ вишняго интереса, но она необыкновенно вѣрно схватываетъ типы французскихъ солдатъ, подробности, мелочи, которыя придаютъ картинѣ изумительную жизненность. Начиная съ позы часоваго и оканчивая лошадьми, здѣсь все схвачено съ натуры въ такой совершенной техникѣ,

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.
КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Лѣсъ при солнечномъ освѣщеніи.
Рѣзалъ на деревѣ по рисунку И. Т. Михайлова, г. Сиржимовскій.

о которой, разумеется, было бы излишне распространяться по отношению к такому художнику, как Мессонье.

Старые холсты, картина Джирарди. На прошлой годней выставке в Милане, в палатце Брери не было ни одного зрителя, который бы, оставившись перед картиной Джирарди, не начинал хохотать самым неудержимым образом. Эти, три старых развратника, рассматривающие скабрёзные картинки, так непосредственно наивны, их лица так выразительны, их улыбки так многозначительны, что достигнуть в живописи большей экспрессии едва ли представляется возможным. Это, если можно так выразиться, настоящая правдиво-мористическая поэма. Герои этой поэмы в своей молодости, конечно, весьма усердно срывали «цветы удовольствий», не увлекаясь впрочем, ни страстью, ни ревностью, ни вообще какой, бы то ни было сердечной драмой. В качестве настоящих эгоистов они только жуировали, не придавая своим любовным похождениям никакого серьёзного значения. Но вот настали другие времена, бедняжки потеряли зубы, лысина появилась, замётислись на лица морщины, — пора их проказ безвозвратно миновала! И теперь, не будучи уже в состоянии «срывать цветков удовольствий», им остаётся только жуировать воображением. Кроме самого содержания, полного правды и живой наблюдательности, нельзя не удивляться превосходному рисунку, умной и ловкой композиции и передаче самых ничтожных аксессуаров в прелестной живописной манере. Автор этой превосходной и чрезвычайно талантливой картины — профессор туринской академии изящных искусств, синьор Челестино Джирарди, — встающая и ярко светящая звезда итальянской живописи.

СМѢСЬ.

— **Женщина-докторъ философии.** По словам мѣстных газетъ вѣнскія студентки ни чѣмъ не напоминаютъ того пресловутаго типа студентокъ, который общество почему-то привыкло видѣть почти во всѣхъ женщинахъ, избравшихъ себѣ ученую дѣятельность. Вѣнскія студентки болѣею частью симпатичныя дѣвушки, съ умными, серьезными лицами, побѣднѣвшими отъ усиленныхъ умственныхъ занятий, съ скромными, сдержанными манерами, въ простыхъ костюмахъ. Онѣ садятся обыкновенно подальше отъ мужчинъ, внимательно слѣдятъ за лекціей и усердно пишутъ свои замѣтки и стараются какъ можно меньше обращать на себя вниманіе. Именно такое впечатлѣніе произвела на всѣхъ присутствующихъ дѣвушка по имени Елена Друсковичъ, которая на дняхъ, въ качествѣ доктора философіи, читала диссертацию въ коммерческой академіи. Предметомъ ея чтенія было вліяніе «отеля Рамбуле» на литературныя силы Франціи прошлаго столѣтія. Извѣстно, что умы и таланты самаго разнороднаго свойства, какъ напр. Мольеръ и Корнель, Босюэтъ и дѣвица Скюдери, собирались въ голубой гостиной маркизы Рамбуле. Диссертация отличалась большою живостью, глубокимъ смысломъ, знаніями и начитанностью. Остается только пожелать, чтобы во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, лекціи читались бы такими дѣльными профессорами, какими оказалась г-жа Друсковичъ.

— **Трудъ г. Каратаева** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Г. Каратаевъ издалъ указатель книгъ и брошюръ по части финансовъ, промышленности и торговли со временъ Петра Великаго по настоящее время. Это часть предпринятаго имъ большаго труда по литературѣ русской библиографіи экономическихъ наукъ, такъ какъ имъ изготавляются указатели отдѣльныхъ изданій по библиографіи политической экономіи и статей по экономическимъ наукамъ вообще. Это вполне добросовѣстный трудъ; авторъ составилъ его не по однимъ печатнымъ источникамъ, но и собственными розысканіями въ различныхъ книгохранилищахъ. Указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ: 1) финансы; 2) кредитъ, денежное обращеніе и банки; 3) промышленность и торговля; 4) торговпромышленныя товарищества и общества; 5) способы торговпромышленныхъ сношеній; 6) торговпромышленное образованіе; 7) справочныя книги; 8) періодическія изданія и сборники и 9) смѣсь. Мелкихъ подраздѣленій множество. Указаній приводится 6152. Цѣна книги 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Нельзя не пожелать автору всякаго дальнѣйшаго успѣха.

— **Лѣтніе театры.** Антрепризу ораніенбаумскаго театра взяла клубная артистка-любительница, г-жа Васильева. Что касается театра въ «Озеркахъ», то онъ, какъ и прошлое лѣто, останется подъ управленіемъ г. Щербакова. Г. Щербаковъ, кромѣ клубныхъ актеровъ и любителей, намѣренъ пригласить нѣкоторыхъ артистовъ императорскихъ театровъ.

— **Г. Н. Федотова.** Вскорѣ придѣтъ въ Петербургъ высоко-даровитая артистка московскаго Малого театра, г-жа Федотова и приметъ участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ налександринской сценѣ.

— **Перемѣны въ драматической труппѣ.** Г. Новиковъ, по окончаніи настоящаго сезона, покидаетъ петербургскую драматическую сцену и уѣзжаетъ въ провинцію. Его замѣститъ г. Писаревъ, даровитый артистъ, извѣстный публикѣ по участію въ клубныхъ спектакляхъ.

— **Бенефисъ г. Манжана.** Капельмейстеръ михайловскаго театра г. Манжанъ въ день своего бенефиса устроилъ концертъ съ живыми картинами. Спектакль этотъ, хотя и не представилъ собой ничего новаго и особенно интереснаго, но прошелъ весело. Публика, какъ и всегда, къ г. Манжану отнеслась весьма сочувственно и театръ былъ совершенно полонъ, несмотря на возвышенныя цѣны. Живыя картины были поставлены очень хорошо. Гг. Стринцъ, Шелль, Барбъ, г-жи Даркуръ, Стюаръ и Савина недурно справились со своими задачами. На долю послѣдней выпали самыя шумныя и продолжительныя оваціи, артистка удостоилась поднесенія роскошной корзинки съ цвѣтами. Старинный фарсъ «Les folies dramatiques» былъ разыгранъ очень мило, благодаря главнымъ образомъ гг. Андриэ и Дево. Сцена г. Горбунова, назначенная однимъ изъ нумеровъ спектакля, была отмѣнена. Въ общемъ бенефисъ уважаемаго капельмейстера можно считать весьма удачнымъ. Г. Манжану былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ.

— **Концерты подъ аккомпаниментъ волнъ.** Въ г. Онтарио составилъ проектъ устройства на крутизнѣ піагарскаго берега, близъ водопада, павильона для помѣщенія оркестра и роскошнаго парка. Оркестръ изъ избранныйшихъ музыкантовъ будетъ давать постоянные концерты подъ шумъ волнъ водопада.

— **Идеальная красота.** Редакція англійскаго иллюстрированнаго журнала «The Graphic» предложила художественный призъ за воспроизведеніе на полотнѣ идеала женской красоты, для чего и устроила выставку, на которую художниками королевской академіи доставлены рисунки женскихъ головокъ, замѣчательнаго артистическаго исполненія. При онѣнкѣ образовалось двѣ партіи: одна отдаетъ предпочтеніе восточной красавицѣ — головка дѣвушки, смуглаго типа съ большими черными, глупыми глазами и громадной черной косой, писанная художникомъ Лонгомъ; другая же — блондинкѣ, подходящей къ типу англійской красавицы; она олицетворяется въ головкѣ подъ названіемъ «Спѣлая вишня», выставленной въ двухъ экземплярахъ: одинъ — художникомъ Перужини, другой художникомъ Милліамомъ; рисунокъ изображаетъ маленькую дѣвочку, въ большой простой шляпкѣ, бѣломъ платьицѣ, съ широкимъ розовымъ поясомъ; она сидитъ въ саду и въ рученкахъ, наивно сложенныхъ на колѣняхъ, держитъ спѣлую вишню; бойкіе живые глаза прямо съ любопытствомъ смотрятъ на зрителя, какъ бы говоря ему: «выбери меня». Еще неизвѣстно, какой изъ этихъ трехъ картинъ будетъ отдано предпочтеніе экспертами.

— **Новый мостъ чрезъ рѣку Тей.** На мѣсто недавно обрушившагося громаднѣйшаго желѣзнодорожнаго моста чрезъ р. Тей (въ Англии) теперь начато уже сооруженіе новаго моста длиною въ 2 версты 57 1/7 сажень. Эта громаднѣйшая постройка поручена инженеру Томасу Буцу. Новый мостъ будетъ двойной роскошной системы и почти вдвое шире и ниже прежняго.

— **Почтовый балъ въ Берлинѣ.** Директоръ германскихъ почтъ и телеграфовъ г. Стефенсъ, давалъ на дняхъ балъ, названный почтовымъ. Особенность этого бала состояла въ слѣдующемъ: роскошная зала была убрана эмблемами почтового и телеграфнаго вѣдомствъ, всѣ слуги были одѣты почталонами. Въ котильонѣ разыгрывались почтовые сумки, кепи, ящики и т. п., наполненные изысканными конфектами: посреди залы возвышался разукрашенный почтовыми флагами телеграфный столбъ съ почтовымъ ящикомъ, изъ котораго танцующіе вынимали телеграммы съ предсказаніями, а во время вальса зала освѣщалась электрическимъ свѣтомъ, сигналы подавались почтовыми трубами.

— **Премія.** Профессоръ лондонской академіи художествъ Ф. Клеркъ, оставилъ 24,000 фун. стерл. въ пользу національной галереи для выдачи премій за лучшія художественныя произведенія.

— **Приключеніе въ вагонѣ желѣзной дороги.** (Ст. М-съ Джонъ Вудъ). Никогда я не забуду перваго и единственнаго моего путешествія въ Нью-Орлеанъ. Только что окончился мой ангажементъ съ Иозефомъ Джеферсономъ въ «Зимнемъ» театрѣ въ Нью-Йоркѣ и жители Нью-Йорка думали, что я поселюсь въ ихъ городѣ, какъ вдругъ газеты извѣщаютъ громад-

ными буквами о моихъ послѣднихъ представленіяхъ. Я съ гордостью говорю, что всѣ, включая въ то число и антрепренера, выходили изъ себя, что Таля Матильда (имя данное мнѣ критикомъ New-York Herald'a) отправляется на югъ. Былъ приглашенъ также м-ръ Адольфусъ Девенпортъ или Долли, какъ фамиліарно звали его, для пьесъ, въ которыхъ мы вмѣстѣ появлялись на сценѣ въ Нью-Йоркѣ. Газеты заговорили о предстоящемъ путешествіи и очень зло острили на счетъ бѣднаго Долли. «А, говорилось въ нихъ, счастливый Долли! Ему одному предстоитъ смотрѣть за ея багажемъ, ему будетъ позволено хранить ея ключи, онъ такъ счастливъ, что ему предоставлено заботиться о билетахъ на желѣзной дорогѣ», и сотни подобныхъ замѣчаній, не говоря уже о шуткахъ собратій актеровъ. Каждый вечеръ при выходѣ изъ театра ему напоминали: «Ну Долли, берегите же царицу Комедіи и Пѣнія, позаботьтесь о ея туалетѣ, ея нотахъ» и т. п., пока бѣдный Долли дѣйствительно не вообразилъ, что онъ не актеръ, а лакей.

Это продолжалось, пока мы не сѣли въ вагонъ на станціи нью-орлеанской желѣзной дороги, куда насъ провожала толпа актеровъ, антрепренеровъ, критиковъ и сотни знакомыхъ дружескихъ лицъ. Мы ѣхали до полуночи, когда случилась перемѣна поѣздовъ. Въ вагонѣ пассажирами были все дамы, кромѣ одного сѣдого пожилого челоука. Я замѣтила его въ ту минуту, когда м-ръ Девенпортъ передъ уходомъ въ вагонъ для курящихъ заговорилъ съ нимъ и пожалъ ему руку. Отдавъ Долли свой билетъ, кошелекъ и всѣ цѣнныя вещи, которые были на мнѣ, изъ боязни потерять ихъ, я легла спать. Спустился часъ 3 или 4, я была внезапно разбужена кондукторомъ, требующимъ мой билетъ для провѣрки. Я сказала ему, что онъ найдетъ его у господина въ отдѣленіи для курящихъ. Онъ ушелъ, но тотчасъ же вернулся съ громкимъ крикомъ: «Тамъ нѣтъ никакого господина съ билетомъ для дамы», и онъ проситъ меня не дурачить его болѣе.

Я кротко увѣряла его, что господинъ долженъ быть въ отдѣленіи для курящихъ, показывая куда ушелъ м-ръ Девенпортъ.

— Въ этой сторонѣ нѣтъ даже вагона, сказалъ онъ, — всѣ отцѣплены на послѣдней станціи съ частъ тому назадъ.

— Боже праведный! значить, Долли увезенъ соннымъ въ неизвѣстныя страны.

— Вамъ придется сойти съ поѣзда, произнесло чудовище.

— Но у меня здѣсь ни билета, ни денегъ въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ! Что-же мнѣ дѣлать?

— О, пожалуйста, со мной не стоитъ труда прикидываться, кричалъ людоедъ. — Слышали мы прежде, какъ дамскіе билеты находились у джентельменовъ, спящихъ въ слѣдующихъ вагонахъ. Все это вы скажете начальнику станціи.

И онъ вышелъ.

Что мнѣ дѣлать? Представиться спящей и не просыпаться. И такъ, я закрыла голову шерстянымъ шарфомъ; я почти задохнулась подъ нимъ, но могла черезъ него видѣть, не будучи сама видима. Я видѣла, какъ кондукторъ горячо разговаривалъ съ сѣдымъ господиномъ, указывая на меня. «О Боже, думала я, меня выкинутъ, это рѣшено. Что со мною будетъ?» Наступило утро, злой демонъ, кондукторъ, все носится около меня. Я ждала съ минуты на минуту, что мнѣ скрутятъ руки, какъ только я пошевелюсь. Мнѣ становилось дурно отъ духоты, жажда мучила меня, но ничто не могло заставить меня перемѣнить положеніе. Поѣздъ началъ замедлять ходъ, продавцы, поспѣвая за нимъ, предлагали фрукты, у меня не было денегъ купить что нибудь, чтобы промочить горло. За мной слѣдили, чтобы высадить изъ поѣзда. Я не на шутку струсилла. Наступала ужасная минута; поѣздъ остановился. Десять минутъ остановки; буфетъ. Всѣ вышли. Я ждала едва дыша. Нѣтъ кондуктора. Еще минуту и если онъ не придетъ, я открою лицо. Его нѣтъ. Я встаю, открываю окно, чтобы подышать немного свѣжимъ воздухомъ. Передъ моими глазами пустыня, оглядываясь назадъ: за мной людоедъ съ шляпой въ рукѣ, кланяющийся мнѣ съ саркастическимъ видомъ, конечно, думала я. Я не могла говорить, но бросила на него взглядъ, выражавшій: «я голодна, одинока, что вы хотите со мной дѣлать?» Онъ улыбнулся. «О если бы у меня былъ револьверъ, чтобы напугать его», думала я.

— Что-же, вы хотите высадить меня?

— Нѣтъ, м-съ Вудъ, если бы я сначала знала, что это вы, я не позволилъ бы себѣ сдѣлать вамъ это замѣчаніе.

Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, что сѣдой джентельменъ сказалъ ему передъ уходомъ, что я пришла дѣйствительно съ господиномъ, что я м-съ Джонъ Вудъ, а господинъ былъ Долли Девенпортъ и что мы ѣдемъ давать представленія въ театрѣ Варьете

въ Нью-Орлеанѣ; что онъ, людоѣдъ, заходилъ нѣсколько разъ (если бы я только знала это), но такъ какъ я крѣпко спала, онъ не хотѣлъ будить меня. О радость, я готова была обнять чудовище; онъ былъ такъ вѣжливъ, не можетъ-ли онъ принести мнѣ чего-нибудь?

— Но у меня нѣтъ денегъ.

— Обѣ деньгахъ не безпокойтесь.

— Неужели? о, тогда мнѣ давно слѣдовало быть въ буфетѣ.

Мнѣ тотчасъ-же было принесено, чего я пожелала, и я благословляла въ глубинѣ души сѣдого господина за то, что онъ сказалъ людоѣду, кто я. Мнѣ это и въ голову не приходило. Скоро мой другъ людоѣдъ вернулся, говоря, что онъ дальше не ѣдетъ, но что онъ телеграфировалъ и пришелъ уведомить меня, что обо мнѣ будутъ заботиться. Я поблагодарила и спросила его адресъ; и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, что я дала ему знать о себѣ въ такое время, когда онъ менѣ всего ожидалъ этого, когда онъ самъ былъ въ большемъ затрудненіи. Мнѣ жаль было разстаться со своимъ благодѣтелемъ. Дѣйствительно, какъ онъ и предупредилъ меня, на слѣдующей станціи-меня ожидала цѣлая орація, которая была по достоинству оцѣнена беззащитной женщиной.

Пріѣхавъ въ Саванну, я рѣшилась сразу сказать свое имя и послала за содержателемъ отеля, который тотчасъ-же явился. Я только что собиралась откомендоваться, какъ онъ спокойно встрѣтилъ меня словами:

— М-съ Джонъ Вудъ, я полагаю.

Я даже присѣла.

— Но гдѣ-же мой другъ Долли? спросилъ онъ. — Онъ писалъ мнѣ изъ Нью-Йорка, извѣщая о вашемъ пріѣздѣ, чтобы я приготовилъ для васъ комнаты.

Я рассказала ему о своемъ приключеніи.

— Да, отвѣчалъ онъ, — эти вещи часто случаются и любящія семейства разлучаются по цѣлымъ недѣлямъ.

«Боже мой, думала я, ужъ не соглашеніе-ли это между желѣзнодорожными компаніями и содержателями отелей, чтобы задерживать здѣсь путешественниковъ? Нѣтъ, быть этого не можетъ. Это невыносимо!»

— Но пароходъ отходитъ завтра, а до слѣдующаго придется ждать цѣлую недѣлю. Надо отыскать Долли.

Хозяинъ вышелъ изъ комнаты, говоря, что онъ отыщетъ его, если онъ находится еще въ живыхъ.

О, что я выстрадала! Прошла ночь, о немъ нѣтъ извѣстій. Рано слѣдующимъ утромъ получила телеграма: «Буду во время къ пароходу. Уважающій васъ Долли».

Я бросилась отыскивать хозяина. Онъ былъ на станціи. За часъ до отравленія парохода они оба явились. Долли блѣдный, хозяинъ красный и торжествующій. Долли былъ увезенъ соннымъ. Проснувшись и выяснивъ свое положеніе, онъ настоялъ, чтобы остановили поѣздъ и высадили его. Онъ выходилъ изъ себя, видя, какъ поѣздъ проходилъ за поѣздомъ, не замѣчая его. Отчаяніе его не знало границъ и дошло до такихъ предѣловъ, что слѣдующій поѣздъ былъ остановленъ. Вниманіе кондукторовъ было привлечено господиномъ, стоявшимъ на головѣ. По болѣе внимательному наблюденію они увидѣли рядомъ на шестѣ шляпу съ двумя воткнутыми въ нее билетами перваго класса. Поѣздъ былъ остановленъ и онъ принятъ. Вѣроятно, его сочли безнадежно сумасшедшимъ и помѣстили въ отдѣльный вагонъ одного. Онъ не могъ заставить выслушать себя или узнать, куда направляется поѣздъ. Однакожь, оказалось, что онъ попалъ на настоящій путь въ Саванну. Онъ телеграфировалъ мнѣ, заплативъ моими-же деньгами. Свой кошелекъ онъ потерялъ, вѣроятно, во время отчаянныхъ гимнастическихъ упражненій.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, отвѣчала я. — Я рада васъ видѣть какой бы то ни было цѣной.

Мои тревоги окончились; но трудно вообразить ту массу писемъ, которой осаждали Долли за его предостережительныя заботы обо мнѣ, когда мое приключеніе всѣмъ стало извѣстно.

— Музей г. Сидней. Изъ Австраліи сообщаютъ, что настоящая международная выставка въ г. Мельбурнѣ дала средства для устройства австраійскаго музея для хранения всевозможныхъ богатствъ страны. Мѣстомъ для музея избранъ г. Сидней. Для этого музея городъ уже приобрѣлъ на выставкѣ 5 произведеній французскихъ художниковъ и 23 британскихъ.

— Художественная выставка. Въ г. Эдинбургѣ открыта первая выставка картинъ шотландскихъ художниковъ. Всѣхъ выставленныхъ предметовъ 1820.

— Свѣтящіяе обои и пудра. Въ Англіи профессору Сантону помощію примѣсей сѣрнистой кислоты соли къ

химическому процессу воспроизведеній фотографическихъ снимковъ удалось получить сильно блестящіе оттиски, въ особенности въ темнотѣ; это открытіе дало поводъ къ практическому примѣненію: къ печатанію громадныхъ свѣтищихся фотографій-обоевъ для освѣщенія темныхъ мѣстъ, не предохраненныхъ отъ различныхъ взрывчатыхъ газовъ, каковы пороховые погреба, каменно-угольные шахты, корабельные трюмы, газовыя кладовыя и т. подобныя. Для освѣщенія всѣхъ такихъ мѣстъ фосфорическимъ или, какъ названо по имени изобрѣтателя, сантоновскимъ свѣтомъ составила компанія, которая даже предложила свое освѣщеніе и для театровъ. Профессоръ Варнерке пошелъ еще далѣе и изобрѣлъ свѣтящуюся фосфорическую пудру, которую достаточно посыпать на любой (еще мокрый) фотографическій оттискъ и поставить его на сильный свѣтъ, чтобы получить свѣтящійся оригиналь.

— Несчастіе на морѣ. Громадный пароходо-фрегатъ восточной компаніи «Чимборазо», вышедшій изъ Плимута въ Австралію съ массою пассажировъ, былъ застигнутъ въ пути ужаснѣйшимъ ураганомъ, налетѣвшимъ съ такою силою, что въ одинъ мигъ мачты и трубы были сорваны, пароходъ сильно накренило; испугъ былъ страшный, причемъ множество людей пострадало. Къ счастью, ураганъ продолжался нѣсколько минутъ, но поврежденія были настолько сильны, что дальнѣйшее плаваніе было невозможно и гибель парохода неизбежна, если-бъ его не спасъ проходившій мимо другой пароходъ, который принялъ пассажировъ на свой бортъ и взялъ на буксиръ «Чимборазо».

— Усовершенствованный телефонъ. Послѣдніе успѣхи техники надъ усовершенствованіемъ телефона дали блестящіе результаты, которые выразились самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Между г. Омага въ штатѣ Небраска и островомъ св. Луиса, на разстояніи 410 миль, посредствомъ телефона первоначально слушался концертъ въ г. Омага, потомъ пальба на островѣ; звуки передавались изумительно; наконецъ, въ обѣихъ оконечныхъ точкахъ были назначены лица, которыя и вели съ обѣихъ сторонъ разговоръ; телефонъ съ такою точностію передавалъ каждое слово, что по звуку голоса можно было узнать говорившаго. Этотъ опытъ ясно доказалъ, что для телефона разстоянія не существуетъ и потому въ настоящее время проектируется проведеніе телефона изъ Нью-Йорка въ Лондонъ.

— Болѣзнь горныхъ рабочихъ. Ньюмонтская газета обращаетъ вниманіе публики на болѣзнь, до сихъ поръ еще мало извѣстную, которой подвергаются люди, работающіе надъ Сен-Готардскимъ тунелемъ. Болѣзнь эта отличается слѣдующими признаками: желтизна и влажность кожи, худоба, потеря аппетита и рвота отъ вина. Какъ-бы ни былъ крѣпокъ здоровѣе и силенъ человекъ, онъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ не можетъ выдержать работы въ тунелѣ; болѣе слабыя заболѣваютъ черезъ мѣсяцъ. Изъ 100 человекъ больныхъ оказывается 80, изъ которыхъ 30 умираетъ. Профессоръ Боцоло, изъ Турина, называлъ эту болѣзнь *ancilostoma*, потому что въ кишкахъ одного изъ умершихъ отъ нея, найдены были черви, извѣстные подъ этимъ именемъ. Теперь дознаю, что болѣзнь этой подвергаются исключительно тѣ люди, что работаютъ въ тунеляхъ: она происходитъ отъ высокой температуры, плохой вентилляціи, не достаточно очищающей воздухъ, насыщенный водяными парами и ядовитыми испареніями (отъ взрывовъ динамитомъ) и, наконецъ, отъ червей, попадающихъ въ воду, которую рабочіе пьютъ въ тунеляхъ. Болѣзнь эта дошла до насъ изъ Бразиліи и Египта, гдѣ она уже давно свирѣпствуетъ.

Шахматный отдѣлъ.

Въ № 582 «Всемирной иллюстраціи» напечатанъ очень любопытный и очень безцеремонно-извратительный отвѣтъ на наше замѣчаніе почтенному составителю шахматнаго отдѣла этого журнала по поводу новаго шахматнаго общества («Ж. О.» № 5). Въ отвѣтъ авторъ упрекаетъ насъ въ недобросовѣстномъ искаженіи смысла его прежней замѣтки и въ томъ, что мы толкуемъ все «вздоръ»... Читатели наши знаютъ, что всѣ эти опреки намъ неосновательны: на примѣръ, мы совсѣмъ не искажали смысла замѣтки *en question*, ибо никакого «смысла» въ ней не замѣтили, по правдѣ сказать. Столько-же смысла и въ теперешней замѣткѣ «Всемир. иллюстр.» «Мы не вѣримъ въ его (т. е. новаго общества) самостоятельное существованіе, пишетъ, на примѣръ, авторъ. Что тутъ скажешь на это? Ну, не вѣрите въ существованіе того, что уже существуетъ, такъ не вѣрьте — ваше дѣло. Вѣдь была же одна барыня (въ романѣ покойнаго Слѣпцова), которая говорила: «знаю, что земля круга, да только этому

не вѣрю». Никому, вѣроятно, нѣтъ дѣла до того вѣрить ли, или не вѣрить авторъ въ «существованіе» общества, но нельзя не замѣтить ему, что онъ не знаетъ ни доходовъ и расходовъ общества, а потому и долженъ былъ бы на этотъ счетъ сохранить приличное молчаніе, а не вдаваться въ разсужденія и заботы о томъ, на какія средства общество будетъ существовать. Что касается до намековъ на двухъ «благодѣтелей» и пожеланій, «чтобы рука дающая не оскудѣла», — то нужно считать ихъ неловкими выходками со стороны почтеннаго автора, весьма близкими къ инсинуаціи, и давать по этому поводу какія-либо разъясненія находимъ совершенно неумѣстнымъ. Не будемъ спорить съ нимъ и о томъ, удобнѣе-ли играть въ старомъ (?) клубѣ, или въ помѣщеніи новаго общества: вкусы, какъ и понятія объ удобствахъ, могутъ быть различны; но различіе на этотъ счетъ вкусовъ нельзя считать достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы съ безцеремонностью искажать и невѣрно освѣщать факты въ глазахъ публики. А что факты извращены, или покрайней мѣрѣ, ложно освѣщены, въ томъ можетъ убѣдиться и самъ авторъ и каждый, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ дѣлами общества.

ПАРТІЯ № 9.

Французская защита.

Играна въ Парижѣ въ 1859 г.

П. Морфи.	Боше.
Бѣлые	Черные
1. e2—e4	1. e7—e5
2. K g1—f3	2. d7—d6 a
3. d2—d4	3. e5 : d4
4. Ф d1 : d4	4. K b8—c6 b
5. C f1—b5	5. C c8—d7
6. C b5 : c6	6. C d7 : c6
7. C c1—g5 c	7. f7—f6
8. C g5—h4	8. K g8—h6
9. K b1—c3	9. C f8—e7
10. 0—0	10. 0—0
11. Ф d4—c4 † d	11. Kp g8—h8
12. K f3—d4	12. Ф d8—d7
13. J a1—d1	13. J f8—f7
14. f2—f4	14. a7—a5
15. f4—f5	15. J f7—f8
16. K d4—e6	16. J f8—g8
17. a2—a4	17. K h6—g4
18. Ф c4—e2	18. K g4—e5
19. C h4—g3	19. Ф d7—c8
20. C g3 : e5	20. d6 : e5
21. J f1—f3	21. C c8—d7 e
22. J f3—h2	22. h7—h6
23. Ф e2—d2	23. Kp h8—h7 f
24. Ф d2 : d7	24. C e7—d6
25. J h3 : h6 †	25. Kp h7 : h6
26. J d1—d3	26. Kp h6—h5
27. Ф d7—f7 † и матъ въ 2 хода.	

Примѣчанія къ партіи.

- Эта защита менѣе хороша, чѣмъ K b8—c6.
- Здѣсь лучше сыграть предварительно C c8—d7.
- Хорошій ходъ, имѣющій цѣлью вызвать f7—f6, что стѣсняетъ игру черныхъ.
- Начиная съ этого хода Морфи играетъ съ замѣчательной энергіей и послѣдовательностью.
- Черные совершенно ничего не могутъ сдѣлать, чтобы спасти игру. На 21. ... C e7—d6; бѣлые продолжаютъ тоже 22. J f3—h3 (угрожая J h7 : †), h7—h6 23. J d1—d3 съ рѣшительной атакой на короля.
- Если C d7 : e6, то J h3 : h6 † и въ слѣдующій ходъ матъ.

Рѣшеніе задачъ (въ № 7.)

№ 14. Д. Кларна.

1. J d3—f3; ∞; K или C X

Эта задача имѣетъ другое рѣшеніе, упущенное изъ виду авторомъ: 1. J e4—g4, ∞; 2. K d1—e3 X. — Рѣшеніе прислали: Е. Бекеневъ, К. Сердешневъ, Буевскій, А. Лундышевъ, А. Курчикъ, Э. Пертель, М. Кроль, Н. Розовскій, А. Корсбергъ, П. Ланевскій, Полков. Д., Львовскій, Н. Домингъ, Н. Лобшицъ, Г. Гельбакъ, С. Козловъ.

№ 15. Д. Кларна.

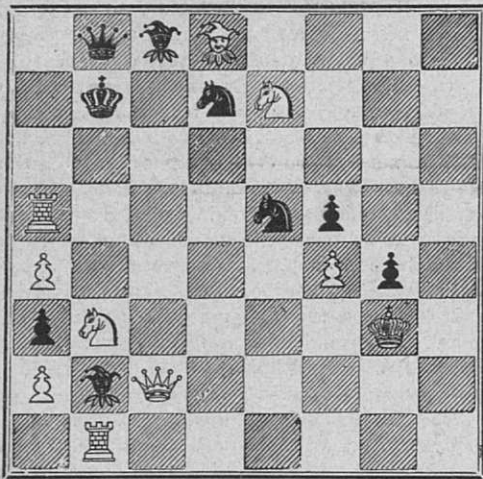
1. Ф d1—d3. 2. Ф d3 : f5. 3. Ф f5—c8 (c2) X
C e6 : d5! Kp c5 : c6 (c4)!

И эта задача имѣетъ, къ сожалѣнію, другое, болѣе простое рѣшеніе 1. C d5 : e6, Kp c5 : c6; 2. Ф d1—b3, ∞; 3. Ф b3—b6 X. — Рѣшеніе прислали тѣ же лица.

ЗАДАЧА
№ 20.

К. Веннберга.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. I. Къ числу олеографическихъ картинъ, о продажѣ которыхъ гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» объявлено въ 1 № этого года, Редакція можетъ предложить еще слѣдующія:

Названіе картины.	Цѣна карт.	Перес.	Мѣра картинъ.	Въ дюймахъ.
	Р. к.	Р. к.	Выш.	Шир.
17. Имянины бабушки, карт. Лейстень-Дюншта..	3 50	» 75	27 1/2	21 1/2
23. Маленькая кокетка.....	» 85	» 30	17	13
24. Шалунъ.....	» 85	» 30	17	13
25. Театръ маріонетокъ.....	1 40	» 40	14	19 1/2
26. Кегли.....	1 40	» 40	14	19 1/2
(№№ 25 и 26 составляютъ копін съ картинъ голландскаго художника Бюргера).				
27. Дѣвушка съ виноградомъ, на берегу.....	4 50	1	» 31 1/2	21 3/4
28. Дѣвушка въ цвѣтахъ.....	4 50	1	» 31 1/2	21 3/4
(№№ 27 и 28 составляютъ копін съ картинъ художн. Эскюдье).				
29. Мечты на терасѣ, карт. Стюарта.....	10	» 1 50	30	40

(Картина Стюарта, представляющая очаровательную группу изъ четырехъ женщинъ, признана первою на лондонской выставкѣ 1877 года.)

II. Получивъ уступку на нѣкоторыя изъ объявленныхъ уже картинъ, мы дѣлаемъ соотвѣтствующую уступку гг. подписчикамъ. Цѣна на прежнія картины слѣдующая:

Названіе картины.	Цѣна карт.	Перес.
	Р. к.	Р. к.
1. Шаплена. «Дѣвушка»...	» 40	» 25
2. Его же. «Дѣвушка».....	» 40	» 25
3. Эрнмана. «Любовное письмо».....	» 60	» 30
4. Киллера. «Зима въ Нормандіи».....	» 60	» 30
5. Астудицъ. «Видъ».....	» 60	» 30
6. Тена. «Мыльные пузыри».	1 25	» 40
7. Его же. «Хорошъ портретъ?».....	1 25	» 40
8. Жильбера. «Въ будуарѣ».	1 25	» 40
9. Его же. «На кухнѣ».....	1 25	» 40
10. Лемера. «Проба голоса».	1 70	» 50
11. Морлона. сд. «Изъ Севильскаго цирюльника».	2	» 50

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
	Р. к.	Р. к.
12. Его же. «Изъ Свадьбы Фигаро».....	2	» 50
13. Ригера. «Въ Аппенинахъ».	2 25	» 75
14. Краузе. «Улица въ Дуврѣ».....	2 25	» 75
15. Дунце. «Утро въ Норд-фюрдѣ».....	2 25	» 75
16. Его же. «Вечеръ въ Зюд-фюрдѣ».....	2 25	» 75
18. Барабеля. «Въ саду»....	2 50	» 50
19. Наульбаха. «Знатная венеціанка».....	7	» 1
20. Его же. «Знатная голландка».....	7	» 1
21. Макарта. «Средневѣковая знатная дама».....	10	» 1 50
22. Зихеля. «Марія Стюартъ, отправляющаяся на казнь».....	13 50	1 50

III. Желая сдѣлать болѣе доступной выписку для гг. подписчиковъ премій прошлыхъ годовъ, Редакція находитъ возможнымъ уменьшить ихъ продажную цѣну. Новая цѣна ихъ слѣдующая:

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
	Р. к.	Р. к.
30. Графиня Потоцкая.....	» 50	» 30
31. Графъ Кассельмонте....	» 50	» 30
31. Наказанное любовничество.	» 50	» 30

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
	Р. к.	Р. к.
33) Тайная вечеря, съ карт. Леонардо-да-Винчи.....	» 30	» 20
34) Продажа амулетовъ, съ картины проф. Семирадскаго.....	» 30	» 20
35) Свѣточи христіанства, съ картины Семирадскаго..	1 25	» 50
36. Мадонна, съ картины Мурильо (гравюра на стали).	1 50	» 50

Остается въ прежней силѣ правило, что при выпискѣ не менѣе трехъ олеографій и гравюръ разомъ за пересылку прилагается половина назначенной цѣны за каждую картину.

Литературныя преміи, вышедшія въ прошлыхъ годахъ, продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

1) Марко Фоскарини, драма Залевскаго, въ переводѣ И. В. Омудевскаго съ иллюстраціями на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к. съ пер. 70 коп.	
2) Шекспиръ, А. Дауденса, съ иллюстраціями на веленовой бумагѣ. Ц. 40 коп. съ пер. 60 коп.	
3) Виндзорскія кумушки, комедія Шекспира, съ иллюстраціями на веленовой бумагѣ, П. И. Вейнберга и Н. И. Шульгина, Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.	

Кромѣ того продается приложеніе «Жизнь и хозяйство».

I томъ 1876 годъ—1 р.	съ пер. 1 р. 30 к.
II » 1877 » 1 »	» 1 » 30 к.
III » 1878 » — » 50 к.	» — » 75 к.

Всѣ три тома вмѣстѣ 1 р. 50 коп. съ перес. 2 руб.

Штемпеля наши не имѣютъ ничего общаго съ фабрикованными въ Москвѣ и въ Варшавѣ изъ какой-то клеевой массы.

Честъ имѣю довести до всеобщаго свѣденія, что каучуковые штемпеля, которые, благодаря своему превосходству, вездѣ, гдѣ они были испытаны, вытѣснили въ скоромъ времени всѣ гравированные; они отличаются: 1) чистотою оттиска; 2) невозможностью засорѣнія; 3) легкостью получения, при самомъ сложномъ текстѣ и мелкости шрифта, самыхъ изящныхъ оттисковъ, не уступающихъ типографскимъ; и 4) прочностью и дешевизною. Штемпеля эти исполняются, смотря по желанію: въ рамкахъ, овалахъ, кругахъ, простымъ текстомъ, въ видѣ виньетокъ съ украшеніями всякаго рода, съ государственными гербами, вензе-

IV. Редакція считаетъ нужнымъ еще разъ объявить, что отказывается отъ пересылки картинъ въ рамкахъ. Причины объяснены въ № «Жив. Об.»

ОТЪ КОНТОРЫ. № 12-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 14 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: На родинѣ, стих. В. Раевского. — Берегись гроба (разск). — Призывъ, стих. В. Львова. — Новости русской литературы. — Смерть, стих. Б. Левина. — На краю пропасти, пов. Л. Гербертъ. — Русскія суевѣрія, очерк. С. С. Шашкова. — Изъ прошлаго и настоящаго Америки, ст. Н. В. Шелгунова. — Рябая красавица, ром. А. Бувье. — Изъ міра русскаго искусства, Диллетанта. — Альбомъ русской охоты. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы. — Отъ редакціи. — Объявленія.

Рисунки: Спасеніе, карт. Э. Фейяна. — Холостяки, карт. П. Целестино Жиларди. — Портретъ А. Н. Островскаго, раб. Перова. — Помпейка, несущая воду, карт. Бомпани. — Лѣсъ при солнечномъ освѣщеніи, карт. проф. В. Д. Орловскаго.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА.
МѢДНЫЕ ЛБЫ.

Картинки съ натуръ.

1880 г. 65 юмор. рассказовъ, около 300 стр. убористой печати Ц. 1 р. 50 к. безъ пер. Складъ изданія у автора, въ С.-Петербургѣ, по Николаевской ул. д. № 48.

Большая хромофотографированная

КАРТА РОССИИ

(Н. И. Зуева).

Съ новыми приобрѣтеніями въ Азіатской Турціи и Бессарабіи, по Берлинскому трактату, съ означеніемъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ морскихъ и сухопутныхъ сообщеній, на двухъ большихъ листахъ. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 р. 10 к.

Кромѣ того находятся въ продажѣ:

Цѣны вмѣстѣ съ пересылкою:

1) Иллюстрированное описаніе Австраліи..	85 к.
2) Варфоломеевская ночь (избіеніе протестантовъ католиками 24 авг. 1572 года).	65 к.
3) Желѣзная маска.....	45 к.
4) Романъ Дюма „Людовикъ XVI и революція“ (2 части).....	1 р. 60 к.
5) „Кавалеръ Краснаго Замка“ (романъ изъ временъ революціи въ 2 частяхъ).....	1 р. 60 к.
6) Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рислеръ“ (1 ч.).....	1 р. 10 к.

Деньги за эти изданія слѣдуетъ высылать, для удобства, почтовыми марками, которые всегда точно доставляются почтою. Посылать можно въ простыхъ письмахъ, а пожеланію и въ заказныхъ, адресуя въ С.-Петербургѣ Н. И. Зуеву, Невскій проспектъ, домъ № 108, кв. 47. — Карты и книги продаются также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАБРИКА
ПАТЕНТОВАННЫХЪ
КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ
Германа Корнфельдъ въ С.-Петербургѣ.
Лиговка, № 32.

лями, эмблематическими и другими изображеніями. Не смотря на громадное количество поступающихъ со всѣхъ сторонъ Россіи заказовъ, штемпеля исполняются вслѣдствіе значительнаго увеличенія состава фабрики, не менѣе быстро, какъ до сихъ поръ.

Иллюстрированные преискурранты высылаются по востребованію.

Для городскихъ заказчиковъ — въ магазинѣ моемъ, находящемся на Михайловской, въ домѣ Европейской гостиницы, гдѣ принимаются заказы, можно видѣть и образцы всякаго рода каучуковыхъ штемпелей.